

ЖЕЛЕН
ТУДА

АГНИЯ
СКАЗКА

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ДОКТОРА
АННЫ

Хелен Гуда

♡ Вторая жизнь доктора Анны ♡

«Литнет»

2025

Гуда Х.

♡ Вторая жизнь доктора Анны ♡ / Х. Гуда — «Литнет», 2025

Моя жизнь вечный спринт в гонке со смертью. Я была врачом скорой, пока не попала в разлом между мирами. Теперь я сестра милосердия в госпитале, которая пытается выстроить свою жизнь заново. Магия, чудовища, неведомые опасности... Как выжить в этом безумии? Как найти дорогу домой? И вообще, хочу ли я возвращаться? Может, это шанс начать все заново, искупить ошибки прошлого? Может быть судьба дает мне второй шанс? Я не знаю, что ждет меня впереди, но одно знаю точно: я выживу. Чего бы это ни стоило, не смотря на все неприятности что свалились на меня в этом мире. Вас ждет: ♡# Решительная и целеустремленная героиня ♡# Адекватный главный герой (временно беспомощный) ♡# Антагонист, которого все возненавидят ♡# Интриги и тайны ♡# второй шансПервую неделю главы ежедневноКнига участвует в новом авторском литмобе Попаданка в белом халате

© Гуда Х., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	14
Глава 4.	22
Глава 5.	29
Глава 6.	36
Глава 7.	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1.

Красные огни маячков скорой помощи полосовали ночь, словно раны. Я неслась вперед как безумная. Каждый вдох – сирена, надрывающая грудь, каждый выдох – сдавленная мольба, чтобы успеть. Впереди – клубящийся ад: искореженный металл в предсмертных судорогах, липкий черный дым, запах бензина и панического страха, вьевающийся в память сильнее любого лекарства. ДТП. И в этой искореженной могиле – дети.

– Стой! Дальше нельзя! – голос, отчаянно пытающийся меня остановить, резанул по барабанным перепонкам. Оранжевый жилет спасателя маячил передо мной, как символ бессилия и бюрократии.

– Там дети! – выплюнула я, срывая его руку, словно паутину. – Я должна их вытащить.

Секунды, пока просачивалась мимо застывших в оцепенении мужчин, растянулись превратившись в вечность. В голове, как на сломанной карусели, проносились обрывки страшных воспоминаний о сыне, которого я должна была спасти. Не о том ты, Аня, думаешь, не о том. Сейчас моя цель – это то, что впереди. Вот спасу детей, а потом уже обо всем подумаю спокойно. Потом. Дома. Одна. А сейчас надо действовать, потому что цена бездействия – детская жизнь. Снова.

Бензин, словно живой, хлестал под ноги, дразняще шипел, будто подталкивая к последней роковой черте. Языки пламени жадно лизали искореженный капот, взбираясь выше к лобовому стеклу, угрожающе потрескивая. Внутри слабый испуганный плач, заглушаемый ревом огня. Они живы... пока еще живы.

Меня рвануло вперед, в эпицентр рукотворного ада. Адреналин – лучший и самый опасный наркотик, выжигающий страх, но притупляющий разум. Я не чувствовала обжигающего жара, только ледяную сталь решимости и отчаянное желание добраться до них, успеть. Снова успеть.

– Стой, дура! Рванет! – крик, уже обжигающий ухо, пропитанный безнадежностью.

– Не успею... – прошептала я одними губами, словно заклинание, хватаясь за искореженную дверь. Металл скрежетал, сопротивлялся. Время таяло, как лед под палящим солнцем. В голове лихорадочно замелькали инструменты, что мне могли пригодиться из машины скорой: лом, гидравлические ножницы... Но времени не было. Просто не было.

Господи, помоги мне...

Рывок. Отчаянный, отчаянный рывок.

Дверь, словно сдавшись, поддалась, с визгом разрывая остатки креплений. Внутри – два заплаканных, испуганных лица, заляпанных кровью и копотью. Мальчик и девочка лет семи и пяти, прижавшиеся друг к другу, как перепуганные зверьки.

– Тихо, мои зайчики, все хорошо, сейчас я вас вытащу отсюда, – стараясь говорить спокойно, ровно, профессионально, хотя внутри обезумевший зверь разрывал грудную клетку, крича от ужаса и бессилия.

Я потянулась к мальчику, чтобы отстегнуть ремень. Пальцы дрожали, но я справилась. Легкий рывок – и он, хныкая, оказался у меня на руках. Передала ребенка подоспевшим спасателям.

– Бегом! Там девочка! – крикнула я, возвращаясь к машине.

Второй ремень отстегнулся сложнее. Испуганная девочка вцепилась в меня, как в спасательный круг.

– Мамочка... – прошептала она, дрожа всем телом.

– Я здесь, я помогу, солнышко, – проговорила я, стараясь не выдать дрожь в голосе. С трудом оторвав ее от сиденья, я крепко прижала девочку к себе, закрывая своим телом от воз-

можного огня. – Бежим! – закричала я, чувствуя, как пламя подбирается все ближе. Передала девочку из рук в руки спасателю и...

Вспышка, ослепившая даже сквозь закрытые веки. Оглушительный грохот, разорвавший и без того истерзанную тишину ночи. Затем всепоглощающая волна жара, словно огненный смерч, испепеляющий кожу, выбивающий дыхание из легких. Я почувствовала, как меня подбрасывает в воздух, словно тряпичную куклу, швыряет куда-то в беспросветную пустоту.

Но это был не просто взрыв.

Вместе с обезумевшим пламенем в мир ворвалось НЕЧТО. Разлом. Искажение пространства, которое отказывался принимать даже мой, повидавший многое разум медика. Словно материя мироздания треснула под напором неведомой силы. Что-то неестественное, пульсирующее, сжирающее все вокруг: свет, звук, саму реальность.

А потом... пустота. Мертвенная, леденящая душу темнота. Но это не смерть. Я чувствовала это нутром. Это нечто другое. Ощущение, словно меня вывернули наизнанку, пропустили через адскую мясорубку, вытянули в бесконечную нить и скомкали обратно в бесформенный комок. Ветер, воющий в ушах, пронзительный крик, застрявший в горле, словно осколок стекла.

Я летела. Падала? Плыла? Сквозь мрак, сквозь хаос, сквозь... что, черт возьми, это вообще такое?

И вдруг резкий оглушительный толчок, словно я с размаху врезалась в невидимую непробиваемую стену.

И... звенящая тишина.

Тишина, которая казалась оглушительной, невыносимой после адской симфонии взрыва. В ушах до сих пор звенело.

Я лежала на земле, щекой ощущая холодную влажную траву у лица. Попыталась открыть глаза. Небо... Оно было другим. Совершенно не таким, как то, что я видела каждый день над родным городом. Слишком яркое, слишком глубокое, слишком... чужое. Неправильное.

Где я? Что, черт возьми, произошло?

Последнее, что помнила, – взрыв, дети, огонь, разъедающий плоть...

И Разлом. Этот чудовищный Разлом, разорвавший реальность, втянув в себя все и вся.

С большим трудом поднявшись на дрожащие непослушные ноги, я огляделась. Лес. Древний, густой, непролазный лес, который раньше видела только в иллюстрированных сказках. Ни дорог, ни машин, ни звука мотора. Никаких признаков цивилизации.

Только я.

И гнетущий, липкий, леденящий кровь страх. Где я?

Но этот вопрос не долго мучил мое сознание. До меня донесся женский крик, наполненный болью и страданием. Словно бы мало со мной случилось сегодня. Я без раздумий рванула на звук.

Рефлекс. Дрессировка длиною в жизнь. Я рванула на звук, словно меня дергали за невидимую нить, вшитую прямо в мозг, минуя сознание. Должна помочь. Должна успеть. Автоматизм, вбитый годами вызовов, пропитавший каждую клетку тела, не давал времени на раздумья, не оставлял шанса на страх. Только действие.

Я выскочила на поляну, прямо к придорожной полосе. "Дорого-богато", – мелькнуло в голове, когда узрела изящную карету. Лакированное дерево, позолоченные вензеля, гербы на дверцах – словно я попала на съемочную площадку для исторического фильма. Но сейчас не до кино. Возле этой передвижной роскоши в муках сжалась женщина. Роды. И очевидно, что первые. Судя по округлившемуся животу, срок уже на последних днях. Двое мужчин, мечущихся вокруг нее, не имели ни малейшего представления, что делать. Один, судя по камзолу и кружевным манжетам, муж, заламывал руки, бормоча что-то бессвязное. Второй – здоровенный детина в ливрее изумрудного цвета, кучер, нервно озирался по сторонам, словно ждал,

что кто-то решит за него эту сложную задачу. Чтоб вас, горе-родитель! Куда вы ее повезли рожать, в чисто поле, что ли?

– Что стоите?! – заорала я, не церемонясь. Адреналин от ДТП еще не успел покинуть меня, а здесь новый всплеск, как удар током, хлестал в кровь, вытесняя остатки сознания, выжимая страх, оставляя только четкие команды. – Мужчина, костер. Кучер, вода. Живо! Разводите костер! Большая кастрюля или что у вас там для воды.

Оба замерли, уставившись на меня, наверное, как на сбежавшую из дурдома инопланетянку.

– Я врач! – рявкнула я, теряя последние нити терпения. – Жизнь человека в опасности. Быстро выполнять! Шевелитесь!

Муж, кажется, очнулся первым и, сдавленно вскрикнув, бросился к карете, бормоча что-то невнятное: "Дорогая, потерпи". Кучер, все еще в ступоре, наконец-то почесал затылок пятерней размером с лопату и неуклюже заковылял в сторону повозки.

– Горячую воду! Ищите в вещах чистые простыни, полотенца, все, что может стгодиться на тряпки. Все чистое сюда! И главное – без кружев, они нам не помогут, – командовала я, подбегая к роженице. Ее лицо – маска страданий, искажено болью, волосы спутались и выбились из прически, а одета она была... странно. Словно собралась на бал или в театр, честное слово. Кружева, пышная юбка с кринолином, перчатки до локтей, благо хоть корсет не наперла на беременный живот. Дамочка словно сбежала с костюмированной вечеринки. Это вообще законно – так одеваться беременным? И куда только смотрел муж, таща беременную на такие мероприятия?

– Да как же вы додумались-то... – начала было я фразу, чтобы отчитать несознательных будущих родителей, но сдержалась, вовремя прикусив язык. Не сейчас. Сейчас главное – ребенок. И его мама.

Я опустилась на колени рядом с роженицей, быстро, профессиональным взглядом оценивая ситуацию. Раскрытие приличное, ждать осталось недолго.

– Дышите глубоко, – внушала я, как учили когда-то в институте, потом повторяли на бесконечных курсах повышения квалификации. – На схватке тужьтесь. Не волнуйтесь, я рядом. Я помогу.

Вода, кое-как нагретая кучером над костром в каком-то непонятном котелке, быстро остывала, но другого выхода не было. Хотя что-то. Вещи из сундуков кареты оказались на удивление бесполезными. Горы атласа, шелка, бархата, кружев... Этим даже пыль не вытрешь нормально, не то что роды принять.

Время тянулось медленно, как патока, тягуче и монотонно. Я, привыкшая к сверкающим стерильностью операционным, чувствую себя до жути беспомощной в этом лесу. Ни инструментов, ни медикаментов, ни нормального освещения. Только я, роженица и вопиющая некомпетентность окружения. Но деваться было некуда. И я делала все, что могла, используя знания и опыт, накопленные за годы работы.

Внезапно меня кольнуло странное незнакомое чувство. Я взглянула на свои руки, словно впервые их увидела. Это вроде бы мои руки, но словно и не мои. Кожа упругая и молодая. Да и беглого взгляда на мое тело хватило, чтобы понять, что и тело тоже изменилось. Более похудевшее, и одежда явно на мне висит и излишне свободная. Я что, при попадании в разлом похудела и помолодела? Да ну, бред какой-то. Да быть не может! Это все от усталости, недосыпа и пережитого дикого стресса. Еще и не такое померещится. Разобраться с этим можно будет... потом. Если доживу до этого "потом", конечно. Сейчас главное – спасти малыша.

– Еще немного, – подбадривала я роженицу, стараясь говорить уверенно и спокойно, как можно чаще повторяла ее имя, чтобы женщине было легче. – Головка уже видна. Вот-вот. Тужьтесь, моя хорошая, тужьтесь. Еще чуть-чуть.

Наконец, после долгих, казалось, бесконечных и мучительных минут, раздался громкий пронзительный крик новорожденного. Живой! Здоровый! Слава богу. Самое страшное позади.

Я приняла ребенка торопливо, но аккуратно обтерев его от крови и слизи. Быстрые движения, отточенные до автоматизма. Оценка по шкале Апгар... И тут... замерла, забыв, как дышать.

На нежной коже младенца, словно изморозью на хрупком стекле, мерцали причудливые, заволаживающие, странные рисунки. Вязь, незнакомая ни одному врачу на Земле. Узоры, похожие на морозные, переплетались в сложные руны, сияющие слабым внутренним светом.

– Поздравляю, у вас мальчик, – проговорила я, ставя диафрагмальное дыхание, стараясь не выдать обуревающее меня удивление. Что это, черт возьми, такое?

Измученный мужчина, рыдая от счастья, рухнул на колени рядом с женой, целуя ее руки и обнимая.

– Спасибо вам, добрая женщина, – прошептал он, захлебываясь слезами. – Вы спасли жизнь моей Эльзе и нашему сыну! Он – наделенный.

Наделенный? Чем вообще? Болезнью какой? Я таких симптомов не знаю.

– Мой мальчик родился с даром, – с гордостью, граничащей с благоговением, сказал счастливый отец, не замечая моего побледневшего лица и нарастающего замешательства. – Он – маг.

И тут словно небеса разверзлись и оглушительная молния ударила прямо в голову, до меня вдруг дошло. Костюмы. Карета. Станные слова. Заколдованный лес, как сошедший со страниц сказок братьев Гримм.

Я не просто оказалась в другом, неизвестном мне месте. Я попала в другой мир.

Глава 2.

Шок схлынул, оставив после себя лишь гудящую пустоту в голове. Словно вынули часть меня, а взамен залили какой-то вязкой, тягучей субстанцией. "Магия? Другой мир? Да это же бред сивой кобылы!" – отчаянно пыталась я уговорить себя, цепляясь за остатки здравого смысла. Но морозные узоры на коже младенца, эти искрящиеся руны, что никак не могли быть плодом моего воспаленного воображения, да и странные изучающие взгляды окружающих красноречиво говорили об обратном. Куда ни глянь, все кричит о том, что это не моя реальность. Я влипла. По самые уши.

Энтони Уинморт, отец новорожденного, оказался на редкость здравомыслящим человеком. Практичный взгляд, немного циничный, но успокаивающий. После короткого, но конструктивного обсуждения он предложил мне поехать с ними в их поместье.

– Мы дадим вам время прийти в себя, Анна, – сказал он. – И дадим кров над головой. А там и решим, что делать дальше.

Отказываться было глупо. Где я, простите, должна ночевать в этом сказочном лесу? Под кустом с говорящими белками?

Поместье Уинмортов оказалось настоящим замком! Ну ладно, ладно, до замка ему еще расти и расти, но все равно внушало трепет. Огромный трехэтажный дом, сложенный из серого, словно бы состаренного камня, с остроконечными башенками, устремленными в небо, и высокими окнами, похожими на бойницы, утопал в зелени ухоженного парка. Ровные лужайки, подстриженные кусты, фонтаны с нимфами... Идиллия, да и только. Внутри – настоящий лабиринт коридоров, просторные залы, увешанные портретами предков (наверняка каждый второй – чародей или волшебник, правда, я не уточняла), и лестницы, скрипящие под ногами, словно недовольные вторжением чужака. Каждая половица здоровалась со мной скрипом: "Эй! Ты кто такая?" Хотя, может, это мое разыгравшееся воображение.

Жизнь в доме текла своим чередом, подчиняясь строгим вековым правилам и устоям. Подъем, завтрак в огромной столовой, где каждый член семьи занимал свое строго определенное место, дневные прогулки по парку и обязательный вечерний чай у камина. Все чинно, благородно и... жутко скучно. Я, привыкшая к бешеному ритму московской скорой, к крикам, sireнам, крови и поту, чувствовала себя словно бабочка, пришпиленная булавкой к бархатной подушке. Я – птица в золотой клетке.

Уинморты оказались на удивление гостеприимными людьми. Эльза, славная женщина с добрыми глазами и улыбкой, согревающей душу, осыпала меня благодарностями, буквально не давая мне проходить.

– Вы спасли нас, Анна! Если бы не вы... – повторяла она словно мантру. Энтони же, хоть и был более сдержанным, внимательно наблюдал за мной, словно пытался разгадать сложнейшую головоломку, вычитая ответы по выражению моего лица.

За ужином, после нескольких дней молчаливого сосуществования, дней, полных вопросов без ответов, я решилась. Хватит ходить вокруг да около, пора внести ясность.

– Мне нужно вам кое-что рассказать, – начала я, ощущая, как в горле пересохло, а ладони покрылись липким потом. Эльза и Энтони внимательно смотрели на меня, предчувствуя неладное. – Я... не из этого мира.

В столовой повисла тишина, в которой даже тиканье напольных часов казалось оглушительным. Эльза удивленно вскинула тонкие брови, а Энтони, казалось, даже не удивился. Выглядел он так, словно ждал этих слов уже давно.

– Я... врач, – продолжила я, с трудом подбирая слова. – Работала на скорой помощи в Москве. Это... большой город в другом мире, на планете Земля. У нас нет магии, но есть наука, медицина... в общем, все совсем по-другому.

Эльза открыла рот от изумления, а Энтони задумчиво погладил гладко выбритый подбородок. Если честно, я полагала, что они и сами об этом должны были догадаться. Я про то, что я из другого мира, а не конкретно про то, что я из Москвы. Просто одета я не так, говорю не так, да и знания у меня не соответствуют знаниям женщин этого мира. В общем, я вся не соответствовала этому миру, но все тактично молчали и мило улыбались.

– Я слышал о таких, – наконец произнес Энтони, нарушив тишину. – Попаданцы. Но обычно они заканчивают плохо. Их считают сумасшедшими, используют в своих целях... в общем, ничего хорошего. Знания о другом мире здесь не ценятся. Здесь правят только те, у кого есть сила... или власть.

– Значит, не стоит никому рассказывать о том, кто я такая, – грустно кивнула в ответ на слова главы семейства.

– Да, лучше держать это в тайне, – согласился со мной Энтони.

– Но, милая, как же тебе дальше быть? – Эльза с сочувствием посмотрела на меня. – В том мире у тебя осталась семья? Дети? – она, как молодая мама, сразу же подумала о том, каково мне лишиться самого родного и дорогого, что есть у женщины.

– В том мире меня ничего не держало, – произнесла я, пытаюсь проглотить ком, который вдруг появился в горле и не давал нормально дышать. У меня не получилось справиться с эмоциями, и меня прорвало: – Я... я была почти одна, – прошептала я, внезапно ощутив нестерпимую боль в груди. Забытую, загнанную в самый дальний угол души. – У меня была семья... муж, сын... Они погибли в автокатастрофе несколько лет назад. С тех пор я... ушла в работу с головой. Там, в скорой, среди крови и боли, было проще не думать. Не чувствовать... Но теперь... теперь я чувствую все снова. С такой силой...

– Поэтому, – продолжил Энтони, глядя мне прямо в глаза пронзительно и внимательно, – я настоятельно советую вам никому не рассказывать о том, кто вы такая. Это опасно. Притворитесь... обычной девушкой, потерявшей память. Скажите, что вас нашли в лесу. Это будет проще. И безопаснее.

Я кивнула, понимая, что он прав. Говорить правду в этом мире – верный способ нажить себе кучу проблем. Ложь – это лучшая защита.

Эльза, оправившись от шока и моей внезапной исповеди, вдруг оживилась.

– Анна, дорогая! – воскликнула она. – У меня есть к вам просто замечательное предложение! Станьте няней для нашего малыша Мэтью. Или... гувернанткой. Вы такая добрая, такая заботливая... Я уверена, вы прекрасно поладите с ним. Да и нам помощь не помешает.

Я с благодарностью посмотрела на Эльзу. Предложение было заманчивым, очень заманчивым. Теплый кров, еда, стабильный доход... Что еще нужно для того, чтобы просто пережить этот непростой период? Но я не могла злоупотреблять их добротой. Я не хотела быть обузой, приживалкой.

– Эльза, я очень ценю вашу щедрость, – ответила я мягко, – и вашу доброту, но я, к сожалению, не могу согласиться. Я бесконечно благодарна вам за помощь, за этот прием и за то, что вы готовы предложить, но я не хочу злоупотреблять вашей благодарностью. Мне нужно начинать свою жизнь. Самой. С нуля.

Я видела, как в глазах Эльзы плещется разочарование, но я была непреклонна в своем решении. Я должна найти свой путь в этом странном новом мире.

Дни в поместье Уинмортвов текли, как патока по ложке – густо, сладко и до оскомины однообразно. Я довольно быстро влилась в роль феи-крестной для юной мамочки Эльзы, с головой погрузившись в заботы о наследнике дома Уинмортвов. Научила Эльзу пеленать туго, как космонавта перед полетом (шутка, конечно, просто как учили меня еще в роддоме -дцать лет назад), объяснила, как правильно прикладывать к груди, чтобы ребенок не сосал воздух, а получал питательное молочко, и как делать легкий массаж животика после кормления, чтобы эта маленькая колбаска не мучилась от газиков. Эльза, счастливая до визга и безмерно благо-

дарная, впитывала мои знания как губка, попавшая в воду. Смотреть на них было радостно и мучительно одновременно. Каждый раз, глядя на Эльзу, умиленно склонившуюся над синишкой, я видела перед глазами лицо своего Антона... Его звонкий, как колокольчик, смех, его непослушные вихры соломенного цвета на голове, его маленькие, но сильные ручки, крепко обнимающие меня за шею... И сердце, словно старый граммофон, заедало на одной и той же ноте тоски, готовое вот-вот разлететься на тысячу осколков.

Глава семейства, как и полагалось, занимался делами поместья и потому часто пропадал в столице. Эльза не расстраивалась, она, мне кажется, с головой ушла в материнство и потому даже не замечала его отсутствия. В те же дни, когда он бывал в поместье, мы часто собирались у камина, и Энтони задавал мне вопросы о моем мире. Ему было интересно слушать о моем потерянном мире, путанные рассказы о московской скорой, о пробках размером с галактику, о сложных случаях, когда грань между жизнью и смертью была тоньше волоса...

И смотрел он на меня при этом каким-то странным оценивающим взглядом, словно пытался понять, насколько безнадежен мой случай и не пора ли меня сдать в ближайший дурдом. Ну или как он тут называется? Лечебница для душевнобольных?

Эльза же воспринимала мои рассказы как сказку на ночь. В ее глазах плескались восторг и неподдельный интерес.

И вот однажды вечером Энтони вызвал меня в свой кабинет. В его обиталище всегда пахло старой кожей, дорогим табаком и властью. На столе под тяжелой бронзовой лампой с зеленым абажуром лежала аккуратная стопка документов.

– Я сделал для вас документы, Анна, – произнес он, протягивая мне эту пачку. – Теперь вы Анна Блэквуд. Сирота. Потеряла память, как бабушка очки. Была найдена в лесу, словно гриб после дождя. Все, как мы и договаривались, – произнес мужчина полушутя.

Я взяла документы в руки, чувствуя легкую, но ощутимую дрожь. Новая жизнь. Новые имя и фамилия. Новая ложь, словно дорогой парфюм, призванная скрыть старые запахи.

– Если вы хотите, – продолжал Энтони тоном, будто предлагал мне чашечку чая, – теперь можете смело искать себе место в этом мире. Никто не будет задавать лишних вопросов. Никто не сунет свой нос не в свое дело.

Я благодарно кивнула, чувствуя, как ком подступает к горлу. Не знаю почему, но он не давал мне дышать, когда вроде бы не было причин для расстройства.

– Спасибо, Энтони, – прошептала я одними губами. – Я не знаю, чем я могу отплатить вам за вашу помощь.

– Просто будьте счастливы, Анна, – ответил он с легкой, едва заметной улыбкой. – Это будет лучшей наградой для меня. И самым большим одолжением. Вы сделали для нас больше, чем кто бы то ни был.

Выйдя из кабинета, я долго стояла в коридоре, вглядываясь в потемневшее от старости зеркало и прижимая новенькие документы к груди. Что дальше? Куда податься? Чем я, собственно, хочу заниматься? В голове вакуум, словно кто-то выкачал оттуда весь воздух. Вернее, если честно, я прекрасно знаю, чего хочу. Хочу помогать людям. Хочу лечить. Хочу быть врачом. Но... хотеть не вредно, как говорила моя бабушка.

Вспомнился недавний разговор с Эльзой. Мы сидели в саду, наслаждаясь непродолжительным перемирием с местными комарами, пока малыш Мэтью мирно посапывал в своей коляске, укрытый кружевным балдахином. Я показывала Эльзе, как делать легкий массаж, чтобы у малыша правильно развивались мышцы и кости. В качестве подопытного выступала тряпичная кукла.

– У вас очень умелые руки, Анна, – заметила тогда Эльза, мечтательно закатывая глаза. – Вам бы повитухой быть.

– Я врач, Эльза, – ответила я, невольно выпрямляясь, словно глотая аршин. – Я лечила людей. Это мое призвание. Это то, что у меня получается лучше всего, – я понимала, что

повитуха в этом мире тоже врач, но отчего-то это сравнение меня задело, больно царапнув где-то внутри.

Эльза удивленно вскинула брови, будто я призналась, что выращиваю в подвале инопланетных кузнечиков.

– Врач? – переспросила она, словно сомневаясь, что правильно расслышала. – Но... женщины в нашем мире НЕ могут быть врачами. Это не женская профессия. Это... немыслимо. Женщина может быть... женой, матерью. Ну, или там... служанкой, в конце концов. Но не врачом. Это мужское дело. Суровое бремя. И вам оно не по плечу. По крайней мере, здесь, у нас.

Ее слова врезались в память болезненной занозой, словно кто-то плюнул в лицо. В их чопорном патриархальном мире женщине отводилась роль: "принеси, подай, молчи в тряпочку и иди откуда пришла". Нет большего унижения, чем это осознание. В моей прошлой жизни женщины были и президентами, и космонавтами, и хирургами, а здесь... "Знай свое место, женщина!"

Я тогда постаралась промолчать, делая вид, что просто не расслышала слова Эльзы, но я их запомнила. И вот сейчас, шатаюсь в темном коридоре с жалкими бумажками в руках, я чувствовала, как хрупкое зерно надежды, едва проклюнувшееся в моей душе, безжалостно топчут сапогами реальности.

И вот после тех памятных событий, после которых прошло несколько дней, произошло то, что перевернуло мой мир с ног на голову. Это произошло совершенно случайно, как и все важные события в моей жизни. Я вышла в сад, чтобы не сойти с ума от тоски и немного проветрить голову, забитую мрачными мыслями, и вдруг заметила мальчишку, спешащего по дорожке, ведущей к хозяйственному корпусу. Он был худеньким, одетым в залатанную, кое-как сшитую одежду и нес в руках огромную, неподъемную на вид корзину, наполненную овощами и чем-то еще, укрытым сверху грубой мешковиной. На его юном лице застыла гримаса сосредоточенности, словно он решал сложнейшую математическую задачу.

– Кто этот мальчик? – я остановила пробегающую мимо горничную.

– Этот-то? – и девушка хмуро бросила взгляд на мальчика, а затем перевела удивленный взгляд на меня. Я утвердительно кивнула. – Сын кучера Жака, что погиб на войне. Его зовут Антонио, он каждую неделю приходит в поместье Уинмортон, забирает пожертвования – еду, одежду, бинты и все, чем они могут помочь военному госпиталю, что располагается неподалеку, в старом поместье, – объяснила мне девушка. – Когда его отца раненым привезли в тот госпиталь, он ушел туда ухаживать за ним, да так и остался, – добавила горничная, безразлично пожимая плечами.

От Эльзы я знала, что одно из поместий, принадлежащих когда-то знатному роду, было переоборудовано под временный военный госпиталь, куда свозили раненых солдат с фронта. В королевстве шла война за территории, кажется. Эльза как-то обмолвилась, что "наши доблестные воины сражаются за мирное небо над нашими головами". Об этом я знала. Но никогда не думала, что увижу... это.

Я замерла как громом пораженная. Кровь отлила от лица, колени предательски задрожали. Я не в силах была отвести взгляда от этого мальчишки. Он... Он был точной копией моего Антона. Те же светлые непослушные волосы, чуть тронутые солнцем. Те же огромные, распахнутые миру голубые глаза-озера. Те же ямочки на щеках, появляющиеся, когда он улыбался или хмурился, пытаясь поднять непосильную ношу... Удар под дых, словно меня сбросили с высокой скалы.

Он прошел мимо меня, не заметив. Будто бы призрак. Сквозь меня. И я словно безумная бросилась за ним, едва не споткнувшись о корень старого дуба.

– Мальчик! – завопила я, задышав и срывая голос. – Подожди! Постой!

Иллюстрации к книге

Глава 3.

На следующее утро, едва жалкие лучи рассвета просочились сквозь непомерно плотные шторы, я уже металась по дому, как электровеник, забытый в розетке. После вчерашней встречи с мальчиком, который был словно Антон, вылепленный из другого куска реальности, сон сбежал от меня, оставив лишь ворох беспокойных мыслей и навязчивое желание обследоваться у психиатра. В голове пульсировала одна мысль, словно заевшая пластинка: "Госпиталь. Я должна быть там". Неважно, в каком качестве. Пусть буду сиделкой, разносящей суп по палатам, уборщицей, натирающей полы до блеска, или даже живым экспонатом в музее медицинских курьезов. Лишь бы быть рядом с этим ребенком, лишь бы хоть издали увидеть его еще раз. Главное, чтобы моя медицинская квалификация не вызывала подозрения, а то вместо больницы я рискую угодить в заведение с мягкими стенами и диетическим питанием.

За завтраком, как обычно, собралась наша веселая компания из трех человек и одной недокормленной канарейки. Энтони, как истинный лорд, прятался за газетой, поглаживая фарфоровую чашку с кофе, словно это был фамильный бриллиант. Эльза с видом оскорбленной невинности задумчиво ковыряла ложкой в овсяной каше, глядя на нее так, будто та лично оскорбила ее высокое происхождение. А я... Я пыталась собрать остатки самообладания в кулак и выложить им то, что бурлило в моей голове, словно химический реактор.

– Я решила, – выпалила я, прервав затянувшееся молчание, густое как кисель.

Оба словно по команде оторвались от своих занятий и посмотрели на меня с любопытством, как на говорящую собаку.

– Что решила? – сдержанно поинтересовался Энтони, откладывая газету на стол.

– Я хочу устроиться... в госпиталь, – ответила я, стараясь говорить как можно увереннее, хотя внутри все дрожало.

Эльза, кажется, всерьез подавилась кашей. По крайней мере, ее лицо внезапно приобрело оттенок переспелой свеклы.

– В госпиталь?! – сдавленно воскликнула она, едва откашлявшись. – Но... зачем? Там же... грязно, страшно и... заразно. Там кровь и раненные.

Я глубоко вздохнула, представляя, как начну сейчас объяснять про призвание, долг и прочие высокопарные материи.

– Я хочу помогать, – просто сказала я, опуская глаза. – Я занималась этим в моем мире, так что кровь, грязь и человеческие страдания меня не удивят. И мне кажется, что там я могу быть полезной.

Эльза непонимающе покачала головой, словно пытаясь решить сложную математическую задачу.

– Но, Анна, ты же... ты же нужна здесь, – взмолилась она. – Мэтью такой маленький, ему нужен уход, забота... Мне нужны твои советы, твоя... поддержка, в конце концов.

– Эльза, я уеду не на край света, – мягко перебила я ее. – Госпиталь находится в соседнем поместье. Мы практически соседи. Я смогу навещать вас почти каждый день. И ты уже многому научилась. Честно слово. Ты отличная мать, ты просто недооцениваешь себя. Ты справишься, я уверена.

Энтони молча наблюдал за нашей женской драмой, приподняв бровь в немом вопросе.

– И кем же вы собираетесь там работать, Анна? – спросил он, иронично прищурившись. – Медсестрой? Боюсь, что без наличия диплома, подтверждающего вашу любовь к бандажам и клизмам, вас туда просто не возьмут.

Я сглотнула, собираясь с силами, как перед прыжком в ледяную воду.

– Пусть буду... сиделкой, сестрой милосердия, – произнесла я, стараясь придать своему голосу непреклонной уверенности. – Я хорошо умею ухаживать за больными. Уверяю вас, у меня есть опыт.

Энтони некоторое время молчал, словно обдумывая мои слова. Делал он это искренне или просто тянул время, я так и не поняла. Затем вздохнул с видом человека, которому только что сообщили о повышении налогов, и произнес:

– Ладно. Я могу дать вам рекомендательное письмо. Скажу, что вы служили у нас... экономкой, например. Умеете вести хозяйство, исполнительны, трудолюбивы... В общем, идеальная кандидатура для работы в госпитале. Подойдет?

Я благодарно кивнула, чувствуя, как от сердца откатился камень размером с булыжник.

– Спасибо, Энтони. Это очень поможет, – я с благодарностью посмотрела на мужчину.

– Но, Анна, – продолжил Энтони, серьезно глядя на меня поверх очков, – я должен вас предупредить. Держите язык за зубами обо всем, что касается вашей... прошлой жизни. Вообще обо всем. Никаких историй о метро, смартфонах и прочих чудесах техники. Помните, вы сирота с потерей памяти. А люди с потерей памяти мало что помнят. И уж тем более никаких рассказов о том, что вы врач. Это может вызвать ненужные вопросы и ненужное внимание. Понятно?

Я послушно кивнула, чувствуя себя шпионом, получившим секретное задание.

– Я понимаю. Я буду молчать, как воды в рот набрала, – и я провела рукой около плотно сжатых губ, намекая на молнию, но потом вовремя спохватилась и убрала руки от лица.

Энтони вздохнул и посмотрел в потолок, видимо, намекая, что я неисправима. Но было видно, что на его лице появилось некое облегчение, словно с меня только что сняли смертный приговор. Я думаю, что, несмотря на всю ту благодарность, что он испытывал по отношению ко мне, все же я тяготила его своим присутствием в этом доме.

– Вот и отлично. Сейчас я напишу вам рекомендательное письмо. А вы пока собирайте вещи, прощайтесь с Эльзой и готовьтесь к новой жизни.

Он поднялся из-за стола и, слегка шаркая ногами, направился в свой кабинет, где его уже ждали чернила, перо и гора неразрешенных вопросов с поместьем. Эльза же смотрела на меня заплаканными глазами, словно я лично отравила ее любимого хомячка.

– Я буду скучать, Анна, – прошептала она всхлипывая. – Кто теперь будет учить меня всяким хитростям? Кто будет хвалить меня, что я хорошая мама? Кто будет говорить мне, что я красивая, даже когда я выгляжу как выжатый лимон?

– Не грусти, Эльза, – обняла я ее, стараясь не расплакаться самой. – Я же буду приезжать. К тому же... насчет красивой... да ты всегда прекрасна, даже когда споришь со мной, как опытный адвокат, – попыталась я отшутиться и заставить девушку улыбнуться. Мне тоже было грустно с ней прощаться.

Эльза слегка улыбнулась сквозь слезы, словно сквозь тучи пробился луч солнца.

– Пойдем, – резко сказала она, отстранившись от меня и вытирая слезы тыльной стороной ладони. – Нужно подобрать тебе что-нибудь... подходящее. Ты же не можешь явиться в госпиталь без сменных платьев, белья и вообще без личных вещей.

И она, словно ураган, потащила меня в свою гардеробную, где платья висели рядами, словно гвардейцы на параде. Кружева, шелка, бархат, атлас... чего там только не было. А я, глядя на это великолепие, думала лишь об одном: нужно как можно скорее попасть в госпиталь. И увидеть мальчика, похожего на моего Антона. И пусть я параноик и мне пора показаться врачу, я просто обязана убедиться, что с ним все в порядке.

Эльза принялась ревностно опустошать свой гардероб, словно готовила его к внеплановой эмиграции. Платья, словно вспорхнувшие перепуганные птички, с шуршанием летели на кровать, образуя пеструю гору из каскадов кружев, шелка и атласа. Я же с упорством бульдозера отбраковывала все чрезмерно роскошные экземпляры. Все эти бархатные туалеты с кри-

нолинами, конечно, достойны восхищения, но в больнице я бы в них чувствовала себя как новогодняя елка в морге. В конце концов, я иду туда не на бал дебютанток, а людям помогать, и мое появление не должно вызывать приступов зависти у больных.

– Анна, ну что ты упрямисься? – капризно надулась Эльза, отбрасывая в сторону простенькое платье из темно-синей шерсти, невыразительное, как унылая мелодия на похоронах. – Тебе нужно что-нибудь поярче. Чтобы поднимать настроение больным. Ты же будешь как лучик солнца в этом месте боли и тоски.

– Эльза, дорогая, я не клоун, чтобы развлекать публику, – мягко возразила я, стараясь сохранить дружелюбный тон. – Я иду ухаживать за больными, помогать им, а не устраивать цирковое представление. Да и слишком яркие цвета, знаешь ли, могут раздражать. Представь себе человека с мигренью, на которого внезапно вываливается ведро апельсинов, – и я показываю на ярко-оранжевое веселенькое платье, которое настоятельно рекомендовала мне примерить Эльза.

В итоге после долгих и мучительных дебатов мы с горем пополам пришли к компромиссу. В мой скромный саквояж отправились несколько однотонных платьев из плотного хлопка приглушенных цветов: серый, как осеннее небо в сезон дождей, бежевый, как невкусная, но полезная овсянка, и темно-зеленый, напоминающий застоявшуюся воду в пруду. Идеальный набор для скромной незаметной сиделки либо экономки, не привлекающий лишнего внимания и не вызывающий подозрений о том, что она сбежала из будущего.

Пока я запихивала вещи в старенький саквояж, который где-то раскопала Эльза, так как от дорожущего кожаного с гербовым вставками я отказалась, в комнату постучал Энтони.

– Анна, я тут подумал и решил, что отвезу тебя до госпиталя сам, – произнес он с видом человека, принявшего важное государственное решение. – Во-первых, так будет быстрее, во-вторых, я заодно переговорю с главным врачом, доктором Армстронгом. Мы с ним давние друзья и партнеры по игре в бридж, так что, думаю, смогу упростить тебе трудоустройство.

Я искренне обрадовалась. Рекомендательное письмо – это, конечно, хорошо, но личное знакомство – это совсем другой уровень. Теперь мои шансы устроиться на работу в больницу, существенно выросли. "Главное – не сболтнуть лишнего, – напредила я себе. – И держать язык за зубами".

Эльза с опухшим от слез лицом и трагическим выражением в глазах стояла в дверях, держа в руках кружевной платок, словно Офелия, оплакивающая Гамлета.

– Береги себя, Анна, – прошептала она, обнимая меня на прощание так, словно я отправляюсь не в соседнее поместье, а на войну. – И приезжай почаще. Мне будет ужасно тебя не хватать.

Я обняла ее в ответ.

– Обязательно приеду, как только появится свободная минутка. И ты тоже приезжай в гости, не сиди тут одна. Попьем чай с пирожными, посплетничаем о соседях, обсудим последние модные тенденции ... ну, насколько это возможно в этих обстоятельствах.

Мы вышли из дома. Энтони, проявляя присущую ему галантность, помог мне забраться в карету, бросил прощальный взгляд на Эльзу, которая махала нам платком, словно провожала в последний путь, и мы тронулись.

Дорога до госпиталя заняла около получаса. Поместье, где располагался госпиталь, оказалось поистине огромным. Когда мы подъехали к главному зданию, я невольно ахнула, с трудом сдержав нецензурное выражение, которое так и рвалось наружу. Это был не просто госпиталь, а настоящий старинный особняк, больше напоминающий старинное аббатство, правда, после зомби-апокалипсиса, потому как вокруг него бродили, еле передвигая ногами, пациенты. Высокие стрельчатые окна, увитые плющом стены, массивная деревянная дверь с бронзовым молотком в виде грифона – все это создавало атмосферу загадочности и величия, от которой по спине пробегали мурашки.

– Внушительно, не правда ли? – сказал Энтони, заметив мое ошеломленное выражение лица. – Когда-то здесь жила одна из самых влиятельных семей в округе, но со временем поместье пришло в упадок. Сейчас здесь располагается госпиталь благодаря стараниям доктора Армстронга. Он вложил в него все свои сбережения и превратил это мрачное место в островок надежды для нуждающихся.

Сердце забилось чуть быстрее, а ладони предательски вспотели. Все происходящее казалось каким-то сюрреалистическим сном. Я, врач двадцать первого века, попала в прошлое и пытаюсь устроиться на работу в больницу. "Ну, Анна, соберись! Ты же врач, а не кисейная барышня из романов Джейн Остин, – мысленно отчитала я себя. – И хватит сравнивать все с сериалами. Пора уже вернуться в реальность... ну, насколько это возможно в этой нереальной ситуации."

Но в то же время... внутри меня росло какое-то странное предчувствие. Предчувствие, смешанное со страхом, надеждой и отчаянной решимостью. Страхом быть разоблаченной как самозванка, надеждой увидеть мальчика, похожего на моего Антона, и решимостью во что бы то ни стало быть с ним рядом.

Пока Энтони с грохотом стучал бронзовым молотком в массивную дверь, я старалась успокоить нервы и привести свои мысли в порядок. Дышала глубоко и медленно, стараясь представить себя не в этом сюрреалистическом месте, а на пляже с лазурной водой и теплым песком. Молилась всем известным и неизвестным богам, чтобы у меня все получилось. Получилось убедить доктора Армстронга в своей компетентности, получилось увидеть мальчика, получилось... не сойти с ума от всего этого безумия.

Дверь со скрипом отворилась, и на пороге появился высокий худощавый мужчина в белоснежном халате безукоризненного кроя и старомодном пенсне на носу. Он выглядел так, словно сошел со страниц учебника по истории медицины. Это, должно быть, и был доктор Армстронг.

"Ну что ж, Анна, пришло время показать, на что ты способна, – мысленно приободрила я саму себя. – Сейчас начнется самое интересное... и захватывающее собеседование в моей жизни".

Доктор Армстронг, смерив нас взглядом поверх пенсне, похожим на взгляд профессора, оценивающего работу нерадивого студента, произнес ровным, немного отстраненным голосом:

– Энтони, старина, рад видеть тебя в добром здравии. Какими судьбами занесло тебя в нашу обитель?

– Приехал с прошением, Арчибальд, – ответил Энтони с дружеской улыбкой. – Позволь представить тебе Анну Блэквуд. Это... гм... моя протеже. Она ищет работу и, насколько я знаю, здесь требуются люди.

Доктор Армстронг внимательно оглядел меня с головы до пят. Его взгляд был пронизывающим, словно рентген, или скорее как у мясника, выбирающего лучший кусок мяса. Я старалась сохранять невозмутимое выражение лица, хотя внутри меня бушевал ураган. "Только бы не ляпнуть чего-нибудь не того", – молилась я про себя.

– Мисс Блэквуд, – произнес он после паузы, – любопытно... И что же вы умеете делать? Кроме того, что умеете очаровывать моих друзей, конечно.

– Я... имею опыт ведения хозяйства, организации быта, – начала я, старательно избегая прямого взгляда в его глаза цвета зимнего льда. И мысленно добавила: "И еще у меня диплом врача, но об этом лучше пока умолчать. А то еще заподозрят меня в шпионаже или, чего доброго, в увлечении феминистскими идеями". – Я могла бы заниматься закупками, следить за порядком, быть экономкой или... кастеляншей.

Лицо доктора Армстронга слегка скривилось в подобии улыбки. Мне почему-то вспомнилась чеширский кот.

– Боюсь, мисс Блэквуд, должность экономки и кастелянши у нас занята. Весьма компетентными дамами, надо сказать. Они держат все в ежовых рукавицах, я бы даже сказал, в стальных. Но... у нас постоянно требуются сестры милосердия. Работа нелегкая, требует сострадания и преданности делу. Готовы ли вы к такому?

В тот момент, когда доктор Армстронг сказал, что должности экономки и кастелянши заняты, у меня внутри все опустилось, и я почувствовала, как по венам разлилась горечь. Но в момент, когда мне предложили должность сестры милосердия, по-нашему – медсестры, я готова была подпрыгнуть и броситься на шею мужчине, расцеловав его в обе щеки.

– Да, доктор Армстронг, – ответила я, стараясь придать своему голосу твердость и уверенность. – Я готова. Я хочу помогать людям, – у меня даже голос дрогнул, хотя я старалась взять себя в руки.

– Прекрасно, – сказал доктор Армстронг, и в его глазах мелькнул какой-то странный огонек. Что-то вроде... триумфа? Или, может быть, это просто игра света от его монокля. – В таком случае, мисс Блэквуд, добро пожаловать в госпиталь Святого Луки. Или, как некоторые его называют, "Обитель потерянных надежд".

– И почему же это место так называют? – пока мы говорили и выясняли наличие должностей, мы уже прошли внутрь особняка и разговаривали в холле, в котором снова туда-сюда работницы госпиталя.

– В этот госпиталь отправляют только самых тяжелораненых и тех, кого, скорее всего, спасти не удастся, – грустно кивнул мужчина.

– Надеюсь, я смогу помогать нуждающимся, – сказала я дежурную фразу, а у самой все внутри танцевало от радости, а губы так и стремились растянуться в радостной улыбке. Думаю, она бы пришлась не к месту, в связи с чем я опустила голову вниз. Это выглядело как жест смирения и скромности, и доктор Армстронг смотрел на меня с каким-то... интересом? Его взгляд был слишком пристальным, слишком изучающим. Меня это насторожило. Впрочем, его интерес не вызывал во мне ничего, кроме чувства легкой брезгливости. Он, безусловно, был привлекательным мужчиной в своей старомодной манере, но что-то в нем отталкивало. Какая-то надменность, холодность... Или, может быть, это просто мое субъективное мнение.

Энтони, заметив неловкость момента, поспешил вмешаться:

– Ну что же, Арчибальд, рад, что все уладилось. Мне пора возвращаться. Проводишь меня до кареты? А то боюсь заблудиться в этом лабиринте коридоров.

Доктор Армстронг кивком велел одному из санитаров проводить меня внутрь, а сам ушел с Энтони. У дверей я обернулась и поймала взгляд Энтони, он был таким теплым и поддерживающим, что я невольно улыбнулась.

"Удачи тебе", – прошептал он одними губами, а я кивнула в ответ.

Меня отвели в небольшую комнату, которая, судя по запаху антисептика, хлорки и еще чего-то неопределенно медицинского, служила складом медикаментов и по совместительству местом для неспешного распития чая санитарями. Там меня представили старшей сестре – высокой властной женщине с суровым лицом и цепким взглядом, способным просверлить дыру в стальном листе.

– Это Анна Блэквуд, – объявила старшая сестра, окинув меня оценивающим взглядом. – Она будет помогать нам. Покажите ей ее обязанности и будьте к ней снисходительны. Она новичок, – и тут же обратилась ко мне: – Хотя, с другой стороны, поблажек не ждите. Работать придется много и усердно.

Затем меня представили остальным сестрам милосердия. Они встретили меня настороженно, с нескрываемым любопытством. Я чувствовала себя как зверь в зоопарке, выставленным на всеобщее обозрение. Все взгляды были прикованы ко мне, изучали, взвешивали. Мне было не по себе, но я старалась улыбаться и держаться приветливо.

– Очень приятно познакомиться, – сказала я, стараясь придать своему голосу непринужденность. – Надеюсь, мы с вами подружмся.

В ответ я получила лишь несколько кивков и сдержанных улыбок. Казалось, они не слишком рады пополнению.

После знакомства меня отвели в мою комнату. Она находилась в самом конце коридора, на одном из верхних этажей. Похоже, чем ниже твое социальное положение, тем выше тебе приходится подниматься по лестнице. Когда-то, до того как особняк стал госпиталем, здесь жили слуги. Комната скорее напоминала чулан, чем жилое помещение. Она была крошечной, квадратных метров пять от силы, с маленьким мутным окошком, выходящим во двор. Сквозь него пробивался слабый луч света, едва рассеивающий царивший полумрак. Мебели было немного: узкая скрипучая кровать, больше напоминающая гроб на ножках, тумбочка с отбитым углом и старый шкаф, дверцы которого держались на честном слове. В углу стоял эмалированный тазик с надтреснутым краем. Видимо, для умывания. "Все удобства во дворе, как говорится", – с кислой усмешкой подумала я. Но, несмотря на скромную обстановку, комната казалась мне вполне... терпимой. По крайней мере, здесь было где приклонить голову.

– Здесь вы будете жить, – сказала санитарка, которая меня привела и по совместительству исполняющая обязанности ходячей энциклопедии больницы. – Ваша соседка по комнате мисс Эмили – очень милая девушка. Надеюсь, вы подружитесь. Она тут всех обаяла своей наивностью и добротой.

– Благодарю, – ответила я, стараясь не показывать своего разочарования от комнаты, где предстояло проживать.

Позже вечером, когда я копалась в своем саквояже, пытаясь создать подобие уюта в этом унылом помещении, в комнату вошла моя соседка. Это была молоденькая девушка лет двадцати с большими голубыми глазами, обрамленными темными ресницами, и лучезарной улыбкой. Она излучала столько позитивной энергии, что, казалось, могла осветить всю комнату.

– Здравствуйте, – сказала она звонким голосом. – Я Эмили. Рада с вами познакомиться.

– И я рада, – ответила я, улыбаясь в ответ. – Я Анна. Надеюсь, мы с вами подружмся. И вместе будем бороться с тяготами больничной жизни.

– Обязательно подружмся! – воскликнула Эмили. – Здесь очень одиноко, когда нет друзей. А у меня почти никого тут нет, кроме больных.

Я почувствовала, как внутри меня разливается тепло. Кажется, у меня появилась еще одна подруга в этом новом мире. Возможно, все не так уж и плохо.

Но все оказалось даже хуже, чем я могла предположить. Эмили была словно говорящий фонтан, откуда хлестали истории одна мрачнее другой. Стоило нам только немного обжиться в комнате размером с собачью будку, как ее словно прорвало. Она тараторила о госпитале, пациентах, сестрах, докторе Армстронге... И чем больше она выкладывала, тем сильнее сгустился мрак. "Да уж, бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а я, кажется, угодила прямо в капкан", – саркастично подумала я.

– Знаешь, Анна, – зашептала Эмили, свесившись с края своей кровати и болтая ножками, – доктор Армстронг не совсем... такой, каким кажется.

– В каком смысле? – насторожилась я. "Уж не маньяк ли он, часом?" – пронеслось в голове. Я бы не удивилась.

– Ну, он же тебе понравился, да? Такой представительный, учтивый... прямо джентльмен, – и девушка сделала какое-то мечтательно-одухотворенное лицо, видимо, изображая влюбленную девушку.

– Он скорее надменный и холодный, – перебила я, пожимая плечами. "Учтивый? Да он смотрит на меня как на таракана!" – мысленно возмутилась я. – Но суть не в этом. Что ты хотела сказать?

Эмили демонстративно вздохнула, словно собираясь выдать государственную тайну. "Ну, давай, Емеля, выкладывай свои тыквы", – с иронией подумала я, готовясь к худшему.

– Просто... ты же знаешь, что сюда не самых здоровых присылают на лечение. То есть он так говорит, что лечит, а на самом деле... просто ждет, когда они помрут, – прошептала девушка, посмотрев по сторонам, словно бы нас мог кто-то услышать.

Я опешила. "Что, простите? Это что, черный юмор у них тут такой?" Внутри все похолодело от ужаса.

– Что за чушь ты несешь? Как это – ждет, когда помрут? Он же врач! Его долг – спасать жизни, – я с недоверием и ужасом смотрела на девушку.

– Долг, долг, – отмахнулась Эмили как от назойливой мухи. – Да кому он нужен, этот долг? Он сюда самых безнадежных свозит, тех, от кого другие врачи отказались. А потом выставляет счета... О-го-го! Особенно знатым господам. Им же важно, чтоб их родственнички в приличном месте умирали, вот он и дерет с них три шкуры. А если из попечительского совета кто попадет, так тут вообще... Умасливает их как может. То чаек с пирожными, то прогулка по саду, то комплиментики... Ну, ты понимаешь, – и девушка многозначительно закивала, словно бы я точно должна знать и понимать, на что она намекает.

Я сидела, раскрыв рот от изумления. "Вот это да! А я-то думала, попала в богом забытую дыру, а тут филиал Ада. И Армстронг, видимо, главный демон."

– Но это же... это же возмутительно! Как такое возможно? Почему никто не пожалуется? – наконец-то я вышла из ступора.

Эмили печально улыбнулась.

– А кому жаловаться? Если кто и попробует, доктор Армстронг умеет рты затыкать. Он же здесь главный. Да и потом... куда бедным больным деваться? На улицу? Здесь хоть кормят и крыша над головой есть. А если жаловаться начнем, нас самих выгонят. А мне работа нужна. Хоть какой-то доход. Я же сирота, и меня содержать некому, – пожаловалась девушка.

– Но... это же преступление, – возмутилась я, чувствуя, как во мне закипает праведный гнев. – Нужно сообщить властям, в Министерство здравоохранения... – осеклась на полуслове. Кажется, меня понесло, и я сболтнула лишнего.

Эмили как ошпаренная схватила меня за руку. Глаза ее стали огромными от ужаса.

– Тише ты. Не говори так громко. Кто-нибудь услышит. Умоляю тебя, Анна, не выдавай меня. Если доктор Армстронг узнает, что я тебе все это рассказала, мне точно несдобровать, – и в глазах собеседницы плескался неподдельный страх.

Я посмотрела в ее большие, полные страха глаза и поняла, что не могу ее предать. "Хотя очень хочется", – мрачно констатировала я.

– Хорошо, – пообещала я, стараясь не выдать охватившего меня отвращения. – Я никому не скажу. Но... как ты можешь спокойно работать в таком месте? – я нахмурилась.

– А что мне остается? – вздохнула Эмили, словно несла на себе весь мир. "А остается уволиться и найти другую работу. Но куда ж проще причитать и ничего не менять", – язвительно подумала я. – Зато у нас тут весело! – попыталась она разрядить обстановку, но безуспешно.

"Весело? Да тут от одной атмосферы в петлю влезть хочется!" – так и хотелось ответить, но я промолчала.

– Доктор Армстронг, знаешь, глаз положил на пару новеньких сестер. Любит он молоденьких и красивых. Так что будь с ним осторожнее, – предупредила меня соседка по комнате.

Я почувствовала, как у меня мурашки пробежали по коже. Представила, как доктор Армстронг с сальными ухмылками подкатывает к молоденьким медсестрам... "Да уж, не зря он мне сразу не понравился", – подумала я с отвращением.

– Он... пристает к сестрам милосердия? – у меня все передернуло от омерзения.

– Ну, напрямую – нет, – успокоила меня Эмили. – Но намеки всякие делает, подарочки дарит, в сад гулять приглашает... Если отказываешься, конечно, не уволит. Но жизнь сделает

не сахар. Сама понимаешь, – скривилась девушка. – Я вот отказала и теперь живу под крышей, которая течет, в самой маленькой комнатухе и выполняю самую грязную работу, что есть в госпитале.

Я молча кивнула, осознавая, в какое змеиное гнездо я попала. Госпиталь Святого Луки оказался не благотворительным учреждением, а рассадником порока и мерзости. И в центре всего этого – доктор Армстронг, хитрый, алчный и, судя по всему, еще и любитель юных нимф.

"Но я не уйду, – сказала я себе. – Не сейчас. Я должна найти Антона, или как там его зовут в этом мире. Иначе зачем я вообще сюда приехала?"

– Скажи, а ты знаешь мальчика, который здесь работает? – спросила я, стараясь говорить как можно спокойнее.

– А, ты про Антонио? Знаю. Он тут на птичьих правах. Сирота вроде как. Доктор Армстронг его приютил, чтобы даром работал, – грустно хохотнула девушка.

– В каком смысле? – я нахмурилась еще сильнее.

– В прямом, – пожала плечами Эмили. – Жалованья он не получает. Только еда и койка в подвале. И пашет как вол. Что прикажут, то и делает. И утки за больными выносит, и дрова колет, и полы моет... Все на нем, – перечислила Эмили круг обязанностей мальчика.

Я почувствовала, как у меня сердце сжалось от боли, как будто меня ударили под дых. Гнев, ярость и злость захлестнули меня. Я должна вытащить ребенка из этого ада, и как можно быстрее.

– А где он сейчас? – спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Кто знает, – отмахнулась Эмили. – Он все время где-то шляется. То в кухне, то в прачечной, то в саду...

Я посмотрела на Эмили, которая уже зевала во весь рот. "Видно, я ее утомила своими допросами. Ну ничего, скоро и мой черед спать."

– Ладно, Анна, – сказала она, потягиваясь. – Пойду я спать. Устала. Ты тоже ложись. Завтра рано вставать.

Она забралась в свою кровать и тут же засопела. А я все сидела и смотрела в темноту, обдумывая услышанное. Госпиталь Святого Луки – это настоящая помойка, где правят алчность, ложь и похоть. И именно здесь я должна вращаться, чтобы найти сына.

Глава 4.

Карболка, хлорка и какая-то въедливая госпитальная тоска вперемешку – вот чем пахло каждое утро в госпитале Святого Луки. Запах въедался в кожу, в волосы, в мысли, напоминая, что я не на курорте, а в самом сердце... даже не знаю чего, но явно не добродетели. Эмили, словно заряженная батарейка, уже носилась по нашей мини-спальне, гремя посудой и выводя жизнерадостные трели аля "птичка на проводе". Я, с трудом разлепив глаза, поплелась умываться, чувствуя себя старой развалиной.

Мы с Эмили впряглись в утреннюю рутину. Кипячение бинтов навевало ассоциации с колдовским зельем, особенно если вспомнить, каким образом эти тряпки до этого использовались. Уборка палат – отдельный вид искусства: под кроватями, казалось, обитали целые колонии пыльных монстров. А уход за больными... Тут уж приходилось включать все запасы сочувствия и такта, чтобы не рухнуть в пучину отчаяния вместе с ними.

Я старалась выполнять все максимально тщательно. перевязки получались у меня непросто хорошо, о чем я сразу и не подумала, а следовало бы. Я же обещала и Энтони с Эльзой, и самой себе, что буду осторожна.

В тихий час, когда по госпиталю разлилась сонная тишина и даже самые беспокойные пациенты задремали, Эмили, утомленная работой, плюхнулась на кровать, обессилено вздохнув.

– Анн, слушай, а ты знаешь, ты перевязки делаешь просто блестяще. Как профессиональная сестра. Где ты этому научилась? Прямо талант, – и вот не было в ее словах подоплеки, а у меня даже руки задрожали от страха.

Она застала меня врасплох, я лихорадочно думала, чего бы такого сказать, чтобы это было максимально похоже на правду.

– Да это все благодаря тебе, Эмили, – выпалила я, стараясь говорить как можно убедительнее. – Ты так хорошо объясняешь. Я просто внимательно слушала и запоминала. Вот и весь секрет, – и я максимально безразлично пожала плечами.

Эмили расплылась в довольной улыбке, гордясь своей ролью учителя. "Кажется, пронесло, – облегченно вздохнула я. – Хоть бы не начала копать глубже."

Вскоре мое внимание привлекла отдельная палата в самом конце коридора. Она располагалась как-то обособленно, будто ее специально отгородили от остального мира. Вокруг нее постоянно вился шепот, сестры милосердия бросали туда украдкой сочувствующие взгляды, полные безнадежной обреченности. Меня разбирало любопытство. "Что там такое?" – не давало мне покоя.

– Эмили, а что там за палата в конце коридора? Почему все ходят вокруг нее на цыпочках и перешептываются? – я кивнула головой в сторону двери, которая даже снаружи выглядела иначе, чем общие палаты, в которых стояли в ряд койки с больными.

Эмили опустила глаза, словно ей было стыдно за то, что собиралась сказать.

– Там... там очень тяжелый больной лежит. Мужчина после страшного пожара. Сильные ожоги... Говорят, он не жилец. Не выкарабкается, – Эмили явно было жаль пациента.

Жгучая волна сочувствия окатила меня с головы до ног. "Бедняга, – подумала я, представив себе его мучения. – Неужели совсем ничего нельзя сделать?"

Вечером, когда я тащила с кухни гору тарелок с жидкой овсянкой (местная кулинария явно не отличалась разнообразием), меня перехватила старшая сестра милосердия, сестра Агнес. Женщина стальной закалки, с суровым взглядом и минимумом слов. Она пользовалась непререкаемым авторитетом среди персонала, и ее появление всегда вызывало легкое замирание сердца.

– Сестра Анна, – обратилась она ко мне своим хриплым голосом, глядя прямо в глаза, будто сканируя мою душу, – я вижу, вы стараетесь. У вас неплохо получается. Но я должна вас предостеречь. Будьте осторожнее с Эмили.

Я недоуменно вскинула брови. "С Эмили? Что она опять натворила?"

– В каком смысле? – спросила я, стараясь сохранить невозмутимый вид.

– Эмили – девушка добрая и отзывчивая, – продолжала сестра Агнес, чуть смягчившись в лице. – Но... она притягивает к себе неприятности как магнит. Не со зла, разумеется. Просто так получается. Но, поверьте моему опыту, сестра Анна, лучше держитесь от нее подальше. Особенно если вы хотите здесь задержаться.

С этими словами сестра Агнес замолчала, наградив меня пронзительным взглядом, полным скрытых смыслов, и молча удалилась, оставив меня в смятении. "Притягивает неприятности? Что это значит?" – растерянno подумала я, глядя ей вслед. И что за двусмысленное "особенно если вы хотите здесь задержаться?" Что здесь, черт возьми, происходит?

"Ну вот, – саркастично отозвался внутренний голос, – только-только начала осваиваться, как тут же на голову свалилась новая порция загадок. Госпиталь Святого Луки из унылого приюта для страждущих превращается в какую-то обитель детективного триллера. И мне, похоже, уготована главная роль – роль наивной сыщицы-любительницы, вляпывающейся во все подряд". Но, как бы там ни было, отступать я не собиралась.

Надежда, словно бабочка, трепетала где-то рядом, но никак не решалась сесть на ладонь. Дни тянулись нескончаемой чередой забот и разочарований. Каждый раз, как только видела на территории госпиталя светлую головку, мое сердце совершало безумный скачок, и я, забыв про приличия, неслась навстречу, надеясь, что вот он, Антон. Все не могла запомнить, что в этом мире его зовут Антонио. Ирония, но даже имена похожи. Но, увы, это всегда оказывался другой мальчик, с чужими глазами и чужой улыбкой. И тогда надежда с болезненным вздохом улетала прочь, оставляя меня наедине с колющей пустотой. Я прочесывала все закоулки Святого Луки: прачечная, кухня, конюшня, даже мрачный и наводящий тоску морг – везде, где мог появиться ребенок. Но Антон будто испарился, растворившись в этом огромном сером здании, пропитанном запахом лекарств, отчаяния и смерти.

Именно поэтому я решила навести о нем справки. Именно из-за отчаяния, хоть и обещала себе, что буду стараться держать в секрете свой интерес к ребенку. Задавленная тревогой, я подкараулила Эмили во время обеда.

– Эмили, помнишь, я спрашивала о мальчике, который помогал в прачечной? Светленький такой, лет семи? Антон... или Антонио, кажется, его зовут.

Эмили нахмурилась, стараясь припомнить.

– Ах да, об Антонио. Конечно, помню. Такой славный, тихий мальчик. Всегда старается помочь. Только вот что-то его давно не видно. Уже дня три, как исчез, – и она посмотрела по сторонам, словно он должен быть где-то рядом.

Удар под дых. Воздух перехватило, и все вокруг поплыло перед глазами.

– Исчез? Что ты имеешь в виду? Куда он делся? С ним все в порядке? – я не смогла сдержать панику в голосе, из-за чего Эмили нахмурилась и как-то странно посмотрела на меня.

– Да вроде, говорят, он приболел сильно. Какую-то заразу подхватил. Живет он в подвале в котельной со стариком Игнаром. Вот и сидит там, бедняга, не выходит. Жалко мальчонку... совсем один, никому не нужен, – Эмили вздохнула, а у меня все похолодело внутри.

Подвал... Котельная... Эти слова, словно отголоски кошмарного сна, зазвучали в моей голове. Я хотела сразу же рвануть туда, где сейчас болел мой ребёнок, но я не могла себе позволить этого. Как назло, нас с Эмили завалили рутинной работой, от которой было не увильнуть.

Вечер опустился на поместье, окутывая его в зыбкую пелену тумана и теней. Госпиталь затих, сестры милосердия, измученные долгим днем, разошлись по своим комнатам в поисках

тишины и отдыха. Я тоже должна была отдыхать, чтобы набраться сил на завтра. Но я не могла. Я знала, что должна увидеть Антонио. Я чувствовала это каждой клеточкой своего тела.

На кухне я исподтишка забрала свою нетронутую порцию овсянки – скудный ужин сиделки. Прикрыв тарелку полотенцем, чтобы не привлекать внимания, я спустилась в подвал. Винтовая лестница, уходящая в черную дыру, встретила меня сыростью, запахом гнили и угля. Каждый шаг, отдававшийся гулким эхом, словно приближал меня к разгадке.

Котельная встретила меня промозглым холодом, хотя, казалось бы, котельная должна была быть самым теплым местом в поместье. Но нет, холод и сырость пробирались под одежду. В полумраке, отбрасываемом тусклым светом одинокой лампы, висевшей под потолком, я увидела сгорбленную фигуру старика-кочегара Игнара. Он сидел на низеньком табурете у пылающей топки. Старик что-то бормотал себе под нос. То ли заунывная песня, больше похожая на похоронный плач, то ли монотонная молитва.

– Игнар? – тихо позвала я, стараясь не нарушить зловещую тишину подземелья.

Старик вздрогнул и резко обернулся, его лицо, изборожденное морщинами и покрытое копотью, выражало удивление и недоверие.

– Что вам нужно, сестра? Разве не время отдыха? Что привело вас сюда? – на старческом лице отразился вопрос.

Я прижала к груди тарелку с овсянкой и сделала шаг вперед, вглядываясь в темноту угла, где едва просматривались очертания какой-то мебели.

– Мне нужен Антонио... Эмили сказала, он болен. Я принесла ему еды. Может, хоть немного поест, – я шарила взглядом кругом в поисках ребенка, но никак не могла его найти.

Игнар помрачнел, его лицо стало еще более мрачным и суровым. Он махнул рукой вглубь котельной, в сторону полумрака.

– Болен он... Хуже не бывает. Лежит там... как тряпочка выстиранная. Уже третий день мается в бреду. Ничего не ест, не пьет. Плохо ему, очень плохо, – сокрушаясь, покачал головой старик.

С дрожащими коленями я прошла мимо кочегара и увидела ЕГО. На старом грязном матрасе, брошенном прямо на грязный пол, лежал мальчик. Он свернулся калачиком, пытаясь согреться, хотя и без того в котельной было невыносимо жарко. Лицо его горело, губы потрескались и кровоточили, а глаза были закрыты, словно он навсегда уснул. Дыхание было хриплым, прерывистым, каждое движение грудной клетки давалось ему с огромным трудом.

Волосы... Светлые, почти белые волосы разметались по грязной подушке.

Я рухнула на колени рядом с ним, не в силах сдержать слезы. Прикоснулась к его горячему лбу, провела рукой по спутанным волосам.

– Антон... Антонио... – прошептала я, пытаясь разбудить его.

Игнар молча наблюдал за мной из своего угла, его глаза, полные горечи и отчаяния, были прикованы к лежащему мальчику.

– Говорил я главному, – вдруг заговорил он хриплым голосом, – говорил, что мальчонка хворает, помирает просто на глазах. Просил его, умолял, чтобы посмотрел его, полечил. А он что? Сплюнул в сердцах, да и отвернулся. "Не буду я, говорит, время тратить на сироту, на всякий сброд. Помрет – так туда ему и дорога. Не велика потеря". Вот тебе и милосердие...

Меня захлестнула волна ярости и отвращения. "Не велика потеря"? Да как он мог так сказать?! Да он же даже не удосужился его осмотреть. Врачи, больница, призвание... Где все это?! Где человечность, в конце концов?!

Но я быстро взяла себя в руки. Сейчас не время для гнева. Сейчас нужно спасать ребенка. Неважно, Антон это или Антонио, и совсем не важно, что фактически он мне никто. Важно только то, что он болен и нуждается в помощи.

– Я останусь с ним, – сказала я Игнару, поднимаясь на ноги и принимая твердое решение.

– Буду ухаживать за ним всю ночь. Может, к утру ему станет лучше.

Кочегар молча кивнул, и в его глазах, казалось, мелькнула искра надежды.

Я огляделась в поисках каких-нибудь подручных средств. На столе, покрытом слоем угольной пыли, я нашла старую застиранную тряпку и миску с водой. Обмакнув тряпку в воду, я начала осторожно обтирать пылающее тело мальчика, стараясь хоть немного сбить жар. Он стонал, метался во сне, словно сражался с какими-то чудовищами, преследовавшими его в бреду. Я поила его водой из ложки, смачивая пересохшие, потрескавшиеся губы. Растирала его маленькие холодные ладошки и ступни, пытаясь согреть.

Всю ночь я не сомкнула глаз. Я сидела рядом с ним, не отрывая взгляда от его страдающего лица. Я боролась за его жизнь, как боролась бы за жизнь своего родного сына. Обтирала, поила, шептала ему утешительные слова, хотя и не знала, слышит ли он их. И молилась. Молилась всем известным и неизвестным богам, святым и грешникам, ангелам и демонам – всем, кто мог услышать мою мольбу. Я молилась, чтобы он выжил. Чтобы он не умер в этом сыром темном подвале, забытый и никому не нужный. В эту ночь он был моим сыном. И я не смела его потерять.

Утренний свет, проникая сквозь узкие щели подвальных окон, казался бессильным против вечной тьмы котельной. Копоть и сырость, казалось, впитались в стены, в каждый предмет, даже в самый воздух. Ночь прошла, а облегчения все не было. Антонио продолжал лежать без сознания, словно уснувший навеки. Его дыхание, и без того тяжелое, стало еще более прерывистым, каждой попыткой вдохнуть он словно надрывался. Маленькое тельце из последних сил сопротивлялось неумолимому ухудшению болезни, словно хрупкий росток, пробивающийся сквозь твердую землю. Я физически ощущала его борьбу, его стремление жить и не могла уйти. Оставить его сейчас – значило предать, выпустить его из рук в объятия смерти. Каждая секунда, проведенная рядом с ним, была попыткой перетянуть его обратно, в этот мир, полный боли, но и надежды.

Но обстоятельства плели свои коварные сети. Меня хватились бы, подняли бы на ноги весь госпиталь. Сестра Агнес не простила бы самовольного отсутствия, а расспросы лишь привлекли бы ненужное внимание к Антонио и его жалкому существованию в подвале. Я должна была вернуться в свою комнату, прежде чем мое исчезновение станет очевидным. Сердце разрывалось между долгом и состраданием, между страхом разоблачения и желанием спасти маленькую жизнь. Собрав остатки воли в кулак, я заставила себя подняться.

Осторожно, словно вор, стараясь не скрипнуть половицей, не разбудить Игнара, улегшегося у остывающей печи, я бесшумно выскользнула из котельной и по крутой винтовой лестнице поднялась в душные коридоры госпиталя. Каждый шаг отдавался в моей голове гулким эхом вины, словно злой упрек. Я кралась по коридору как преступница, боящаяся разоблачения, прижимаясь к стенам, словно надеясь слиться с ними, стать невидимой. Наконец добралась до своей комнаты и тихонько, со скрипом открыла дверь.

Эмили уже не спала, сидела на своей кровати и нервно теребила край одеяла. Увидев меня, она подскочила словно ужаленная.

– Анна. Хвала небесам! Где ты была всю ночь? Я места себе не находила. Я так волновалась, – запричитала девушка, а меня кольнул укол совести.

В ее голосе звучала искренняя тревога, смешанная с облегчением. Я знала, что могу ей доверять, делиться своими страхами и сомнениями. Она была единственным человеком в этом огромном госпитале, который видел во мне друга.

– Эмили... – прошептала я, обессиленно опускаясь на табурет, словно из меня выкачали всю энергию. – Я... я была в подвале... с мальчиком Антонио. Он очень болен.

И словно прорвало плотину, я рассказала ей все о том, как провела всю ночь в холодной сырой котельной, пытаясь облегчить его страдания. Я рассказала о равнодушии лекаря, об отчаянии Игнара, о собственном ужасе от беспомощности.

Эмили слушала, раскрыв рот от изумления, ее лицо становилось все более бледным и встревоженным. Когда я закончила, она молча подошла и крепко обняла меня, прижав к себе.

– Боже мой, Анна. Ты такая... смелая. Но это же безумие. Это очень опасно. Если кто-нибудь узнает, что ты там была, в котельной, да еще и ухаживала за мальчишкой... Никто не должен узнать, что ты там была. Слышишь? Никто!

– Я знаю, Эмили... Я понимаю, – вздохнула я, чувствуя себя загнанной в угол. – Поэтому я и прошу тебя: никому не говори. Это наш секрет, только наш. Обещай мне, Эмили, прошу тебя.

– Обещаю, – твердо ответила она, глядя мне прямо в глаза. – Клянусь, что никому не пророню ни слова. Я понимаю, чем это грозит тебе. Если сестра Агнес узнает... лучше даже не думать об этом. А мальчика... мальчика, конечно, очень жаль. Бедняжка...

Весь день я ходила как в тумане. Работа валилась из рук, мысли постоянно возвращались к Антонию, к его слабому дыханию, к его горячему лбу. Я чувствовала себя ужасно виноватой, что оставила его одного в этом проклятом подвале. Каждый раз, когда старшая сестра милосердия Агнес бросала на меня свой подозрительный взгляд, мое сердце сжималось от страха. Каждый час казался невыносимо долгим, каждая минута приближала меня к моменту, когда я смогу снова спуститься в подвал и проверить, жив ли Антон.

Наконец, когда солнце, словно провинившийся школьник, скрылось за горизонтом и багряные тени окутали госпиталь Святого Луки, я, не дожидаясь скудного ужина, украдкой покинула свою комнату и, словно вор, направилась к подвальной лестнице. Сердце бешено стучало в груди, отбивая панический ритм.

Спускаясь по скользким каменным ступеням, я шептала молитвы, обращаясь к Богу, к Деве Марии, к святым – ко всем, кто мог хоть как-то помочь мне. Я молилась о чуде, о внезапном исцелении, о любом знаке, который бы подтвердил, что все мои усилия не напрасны.

Но, увы... Реальность оказалась жестокой и неумолимой. Достигнув котельной, я увидела, что мальчику стало только хуже. Он по-прежнему лежал без сознания, его дыхание стало еще более слабым и поверхностным, словно ниточка, готовая оборваться в любой момент. Жар не спадал, кожа горела, а губы были также покрыты болезненными трещинами.

Увидев меня, Игнар, неподвижно сидевший у печи, только печально покачал головой, словно констатируя неизбежное. В его глазах, обычно суровых и непроницаемых, сейчас читалась глубокая вселенская скорбь.

– Ему не лучше, сестра... Все также мучается. Не знаю, сколько еще протянет... Ночь бы эту пережил, а то, может, и до утра не дотянет.

Отчаяние ледяными пальцами сдавило горло, лишая возможности дышать. Я опустилась на колени рядом с Антоном, прикоснулась к его горячей безжизненной руке, пытаюсь уловить хоть малейший признак жизни. Но тщетно. Он умирал. Медленно, мучительно, прямо у меня на глазах. И я ничего не могла сделать.

Здесь, в этом проклятом подвале, вдали от нормальных врачей, от лекарств, он просто угаснет, как никем не замеченный цветок, сорванный с корнем и брошенный в грязь. Я не могла этого допустить! Я должна что-то предпринять, предпринять хоть что-то. Но что?

В голове гулко билась только одна мысль, парализующая своей невыносимой правдой: "Он умрет, если ты ничего не сделаешь! Он умрет!". Паника волной захлестнула меня, лишая разума и воли. Я сидела рядом с Антоном, держа его маленькую бессильную руку в своей, и чувствовала, как жизнь покидает его словно вода сквозь пальцы.

Отчаяние слилось с решимостью, породив конкретный, хотя и до безумия рискованный план. Сидеть на месте, покорно наблюдая, как жизнь утекает из Антона, стало невыносимо. Я обязана сделать хоть что-то, попробовать любой, даже самый отчаянный вариант. И единственное, что маячило в мутном свете надежды, – это медикаменты. Госпиталь Святого Луки, несмотря ни на что, наверняка располагал хоть какими-то лекарствами, способными

притормозить развитие болезни. Пусть это будут устаревшие препараты, примитивные аналоги современных антибиотиков, но хоть что-то, что даст маленькому тельцу шанс выстоять в этой схватке со смертью.

Сбросив с плеч оцепенение, я решительно поднялась с колен, оставив понурого Игнара в полумраке котельной. В его глазах читалась смесь сочувствия и обреченности. Он лишь молча кивнул, словно понимая мои намерения, но не находя в себе сил остановить. Я знала, что ставлю на карту все: свою репутацию, свободу, возможно, даже жизнь. Но страх за Антона, острая, режущая жалость к беззащитному ребенку заглушали любой другой голос, любой разумный довод.

Ступени винтовой лестницы, обычно незаметные, в этот раз казались бесконечными. Каждая ступенька болезненно отдавалась в ногах, словно на них висели неподъемные гири отчаяния. Добравшись до коридора, я замерла, прислушиваясь к тишине. Сиделки, что заступали в ночную смену, видимо, сидели в комнатухе и болтали, попивая отвар. А те сестры, что заступят утром, отдыхали в своих комнатах, готовясь к предстоящему тяжелому дню. Это давало мне крошечный, но драгоценный шанс.

Мне нужно было найти комнату, где хранили медикаменты. Кладовую, где в строгом порядке расставлены всевозможные снадобья и порошки. Я знала, что такое помещение должно быть в каждом госпитале. Вопрос лишь в том, где его искать в запутанных коридорах Святого Луки. Я напрягла память, пытаюсь вспомнить хоть малейшую деталь. Вспомнила! Однажды, проходя мимо одного из коридоров, я случайно увидела сестру милосердия, выходящую из комнаты с полным подносом лекарств. Это было в крыле, где располагались палаты для больных.

Я осторожно двинулась по коридору, стараясь ступать как можно тише. Каждая половица жалобно скрипела под ногами, казалось, выдавая мое присутствие. Палаты были погружены в полумрак, лишь слабый мерцающий свет ночных светильников выхватывал из темноты лица спящих больных, бледные и измученные. Я заглядывала в каждую комнату, надеясь найти хоть какой-то намек, какую-то деталь, указывающую на местоположение лекарственной кладовой. Пустые надежды, никаких подсказок.

Наконец в самом конце коридора мое внимание привлекла дверь. Старая облупившаяся дверь с полустертой краской. Но главное – над ней висела небольшая табличка, выцветшая и покосившаяся. Но даже сквозь пелену времени и грязи можно было различить изображение ступки и пестика – общепризнанный аптечный символ. Сердце бешено заколотилось в груди, стуча о ребра. Вот она! Моя последняя надежда.

Затаив дыхание, я медленно повернула холодную металлическую ручку и тихонько открыла дверь. В нос сразу ударил резкий специфический запах лекарств. Смесь травяных настоек, эфирных масел и горьких порошков. Комната оказалась небольшой, заставленной шкафами и полками, ломившимися от множества баночек, бутылочек, коробочек и банок с разноцветными порошками и непонятными настойками.

Но тут же меня постигло новое, еще более жестокое разочарование. Все шкафы оказались заперты. Тяжелые, ржавые металлические замки, словно злобные стражи, надежно охраняли доступ к драгоценным медикаментам. Я принялась лихорадочно искать ключи, ощупывая каждую полку, переворачивая ящики стола вверх дном, даже заглянула под старый вытертый ковер. Но ключей нигде не было. Словно они нарочно спрятаны от меня.

Что делать? Где искать выход из этой тупиковой ситуации? Я почти отчаялась, как краем глаза заметила в дальнем углу комнаты небольшой лом. Обычный строительный инструмент, вероятно, забытый здесь после последнего ремонта. Но сейчас он казался мне не просто куском металла, а настоящим спасением. Это был мой последний шанс.

Я оглянулась на дверь, убедилась, что никого нет в коридоре, и, собравшись с последними силами, попыталась взломать замок на одном из шкафов. С первого раза ничего не получилось.

Замок оказался на удивление прочным, словно насмехаясь над моими усилиями. Я уперлась руками в шкаф, нахмурилась и с удвоенной силой нанесла несколько ударов ломом по замку. Раздался громкий резкий звук, эхом разнесшийся по тихим коридорам госпиталя. И – о чудо! Замок поддался! Раскололся, словно старый грецкий орех.

С замиранием сердца я открыла шкаф. В глаза бросились ряды темных стеклянных бутылочек с загадочными надписями на непонятном языке. Я ничего не понимала в этих сложных названиях, но в голове отчетливо звучала мысль: "Нужно что-то, что убьет заразу в теле Антона, остановит эту ужасную болезнь". Я лихорадочно перебирала бутылочки, пытаюсь угадать, что может подойти для лечения... Интуиция — единственное, на что я могла опираться в данный момент.

И тут, словно разряд молнии средь ясного неба, раздался тихий, обманчиво спокойный голос:

– Что вы здесь делаете, сестра?

Глава 5.

Склянка в моей руке предательски дрогнула, грозясь выскользнуть. Я резко обернулась, словно от удара, и застыла, как кролик перед удавом. Пациент из таинственной палаты. Как я это поняла? Потому что всех других я видела, а этого видела впервые. Повязка на голове, а во взгляде мощь и сила. В общем, привык он повелевать и командовать.

Он словно возник из самого сумрака коридора, сотканный из теней и призрачного лунного света. Высокий, статный, с аристократическими чертами. Но это была красота, искаженная печатью чего-то потустороннего, пугающего до мурашек. В полумраке госпитального коридора он казался не человеком, а скорее падшим ангелом, демоном, заблудившимся в этом мире бренных страданий.

Длинная грубая больничная рубашка, призванная скрыть телесные немощи, на нем казалась просто нелепой условностью. Сквозь мешковатую ткань ощущалась скрытая сила, мощь зверя, запертого в клетке. Но истинное потрясение вызывало другое. Из-под высокого, слишком плотно застегнутого воротника рубашки проступал зловещий узор, будто морозные цветы распустились прямо на его бледной коже. Черные как уголь, извилистые линии перетекали друг в друга, сплетаясь в сложный, почти готический орнамент. И от этих линий веяло могильным холодом, пронизывающим до костей, замораживающим саму душу.

Его глаза – бездонные омуты тьмы – буравили меня, словно сканируя каждый жест, каждую затаенную мысль. В них не было ни злости, ни удивления, лишь отстраненное любопытство наблюдателя, изучающего редкий вид насекомого. Сперва в его взгляде мелькнуло презрение – мимолетное, но отчетливое. В этот момент он, должно быть, решил, что я обычная воровка, жалкая крыса, укравшая сыр из мышеловки. Он приоткрыл рот, намереваясь крикнуть, позвать на помощь, сорвать сонную тишину госпиталя тревожным переполохом дежурного персонала.

Но не успел он издать ни звука, как отчаяние, словно волна цунами, захлестнуло меня. Я бросилась к нему, как к последней соломинке, схватила за холодную, словно мрамор, руку и захрипела отчаянным шепотом:

– Пожалуйста, не кричите. Умоляю, не кричите. Я... я не воровка. Клянусь вам, я не для себя, – он отшатнулся от меня, выдернув руку из моего захвата, словно его обожгло мое прикосновение.

Он удивленно вскинул тонкую, аристократически изогнутую бровь, вперив в меня ледяной взгляд. Наверное, мое лицо сейчас было белым как полотно, перекошенным от страха и мольбы. Я чувствовала, как дрожу всем телом, как зубы выбивают дробь, но продолжала говорить, захлебываясь от волнения, словно тонущий, хватающийся за воздух:

– У меня... у меня нет другого выхода. Там... в подвале... умирает мальчик. Совсем еще ребенок. Ему очень... очень плохо. А всем плевать. Просто плевать. Никто не хочет ему помочь. Я... я пытаюсь найти хоть какое-то лекарство. Хоть что-нибудь, что может его спасти. Пожалуйста... пожалуйста, поверьте мне. Я не вру, – тараторю, а язык заплетается от страха и отчаяния.

Мужчина молчал, не отрывая от меня своего пристального, изучающего взгляда. В его темных глазах мелькнула еле заметная тень сомнения, как рябь на поверхности глубокого озера. Он, казалось, внутренне боролся, колебался, словно чаша весов, не зная, какой стороне отдать предпочтение – верить мне или нет.

– Ребенок... в подвале? – наконец произнес он, и его тихий бархатистый голос обволакивал, словно шелк. Но даже в этой мягкости чувствовался стальной стержень, готовый в любой момент обернуться лезвием. – Что за абсурд? Почему он там? И самое главное, почему вы, сестра, решаетесь на кражу?

Я похолодела. Все рухнуло. Надежда начала таять, словно лед под палящим солнцем. Он мне не верит. Он считает меня лгуньей, воровкой. Я должна была найти какие-то слова, убедить его, достучаться до его зачерствевшего сердца.

– Я... я вам все объясню, – выпалила я, стараясь говорить как можно убедительнее, вкладывая в каждое слово мольбу и отчаяние. – Но сейчас... сейчас дорога каждая минута. Каждая секунда. Я... я хотела взять вот это... – дрожащей рукой я указала на полупустую склянку с темной жидкостью – ...но я... я совсем не уверена, что это поможет. Я даже не знаю, что это. Пожалуйста... умоляю вас... дайте мне хоть что-нибудь. Хоть что-нибудь. Он... он умирает.

Мужчина смерил меня долгим пронзительным взглядом, затем скользнул им по взломанному шкафу, по валяющимся на столе разномастным бутылочкам и банкам, словно оценивая масштаб моего преступления. Он все еще сомневался, но в его глазах мелькнуло... что-то неуловимое, похожее на мимолетное сочувствие. Или, может быть, это была лишь игра света и тени в глубине его загадочной души.

– Довольно, – внезапно прервал он меня, и его тон приобрел властность, словно высеченный из камня. Он принял какое-то важное окончательное решение. – Я не верю ни единому твоему слову. Но я проверю. Если ты лжешь... тебе не поздоровится.

В следующее мгновение он сделал шаг ко мне, приблизившись вплотную, опалая ледяным дыханием. Его глаза светились неестественным огнем.

– Веди меня к этому мальчику. Прямо сейчас. Немедленно, – тихо произнес он, глядя мне пристально в глаза.

Паника, словно ледяная волна, парализовала меня. Я ждала чего угодно: обвинений, ругани, даже ареста. Но не этого. Он захотел увидеть Антона? Это безумие. Это немыслимый риск. Если кто-нибудь увидит нас вместе, меня не просто разоблачат – меня уничтожат. Но разве у меня есть выбор? Жизнь Антона угасает с каждой секундой.

– Хорошо, – прошептала я одними губами, чувствуя, как ноги становятся ватными, а мир вокруг начинает расплываться. – Но... мы должны быть очень осторожны. Никто не должен нас видеть. Иначе...

Мужчина усмехнулся, и эта усмешка была лишена всякого тепла, в ней сквозили лишь насмешка и холодная расчетливость.

– Не беспокойся. Я кое-что знаю о том, как оставаться незамеченным. Это одно из немногих моих достоинств, – усмехнулся краешком губ мужчина.

Я инстинктивно потянулась к взломанному шкафу, желая схватить хоть что-нибудь наугад – пузырек с настойкой, банку с порошком... хоть что-то, что могло бы пригодиться. Но он остановил меня резким повелительным жестом.

– Никаких лекарств. Сначала я должен увидеть этого мальчика. Своими глазами, – мужчина говорит, как ножом режет.

И, подчиняясь его воле, словно марионетка, я повела этого странного загадочного человека к лестнице, ведущей в подвал. С каждым шагом вниз страх сковывал меня цепями, но одновременно с ним росла и хрупкая надежда. Может быть... может быть, этот таинственный незнакомец – это не демон, а ангел, посланный мне в самый отчаянный момент? Может быть, он действительно мой единственный шанс спасти Антона?

Ступень за ступенью мы погружались в утробу подвала. С каждым шагом влажная тьма обволакивала нас, словно погребальный саван. Здесь, в этом сыром, забытом богом месте, где паутина густо опутывала углы, где плесень расплзалась по стенам, казалось, сама смерть чувствовала себя как дома. Едва мои глаза привыкли к полумраку, я бросилась в дальний угол, где, съежившись в жалкий клубок, на старом матрасе лежал Антонио.

– Антошка, – прошептала я, опускаясь на колени. Холодный камень обжег колени, но я не обратила внимания. Его лицо пылало жаром, кожа была сухой и горячей, а дыхание хрипело

и клокотало, словно заржавевший механизм, пытающийся провернуться. Сердце мое сжалось в комок от боли и бессилия.

Старик Игнар, неловко приковыляв следом, кашлянул, привлекая внимание моего загадочного спутника. Его глаза, острые, как у старой вороны, окинули подвал цепким изучающим взглядом. В этом взгляде читались и брезгливость, и сочувствие, и какая-то усталая мудрость, свойственная людям, видевшим слишком много горя.

– Бедняга, – проскрипел Игнар, с трудом переводя дыхание и кивая в сторону Антонио: – Сюда его притащили как щенка-подкидыша, на побегушках держать. Работает день и ночь, батрачит как проклятый, а взамен лишь корку черствую да постель гнилую. Захворал он сильно, совсем захирел, а никому дела нет. Здесь плевать на таких, как он. Вот только сестра Анна к нему и наведывается, да ночью сидит рядом с ним.

Мужчина, до сих пор хранивший молчание, медленно перевел взгляд на меня. В его темных, как омуты, глазах, казалось, плескалась буря противоречивых эмоций. Лед презрения, застывший в его взгляде в коридоре, растаял, сменившись чем-то более сложным. Сочувствие? Возможно. Но скорее какое-то глубокое понимание, словно он видел сквозь мою маску отчаяния, видел мою боль.

– Я вижу, – тихо произнес он, и его голос эхом отразился от холодных каменных стен. Каждый звук казался здесь приглушенным, словно в склепе. – Я... я попробую помочь ему.

Я недоуменно вскинула брови, удивленная и немного растерянная. Помочь? Как? Что конкретно он может сделать? Неужели этот аристократ, этот загадочный незнакомец, словно материализовавшийся из ночного кошмара, знает что-то, чего не знаю я? Неужели он действительно обладает какой-то силой?

– Как? – выдохнула я, не в силах сдержать растущее отчаяние. – Что... что вы можете сделать? Лекарства у меня нет, да и врачи здесь... они все равно ничего не станут делать. Для них он просто...

Он не дослушал меня, словно мои слова были не более чем комариным писком. Без лишних слов и колебаний мужчина плавно, словно пантера, опустился на колени рядом с Антонио. Я затаила дыхание, с тревогой и надеждой наблюдая за каждым его движением. Он бережно взял маленькие исхудалые ручки мальчика в свои, словно они были хрупкими крыльями бабочки. Его длинные аристократичные пальцы обхватили ладошки Антонио с невероятной нежностью, словно в его руках была не просто жалкая, больная рука, а драгоценность, требующая особого обращения.

И тогда... произошло нечто, что навсегда изменило мою жизнь. Нечто невероятное, необъяснимое, противоречащее всем законам, в которые я верила.

Сначала я почувствовала лишь слабое, почти неосязаемое тепло, исходящее от его рук. Затем я увидела свет. Мягкое золотистое сияние, словно россыпь крошечных звезд, пробившихся сквозь густую ночную мглу. Свет исходил от его ладоней, окутывая руки Антонио нежным, трепетным целительным коконом. Я не могла поверить своим глазам, протестующим против увиденного. Это было невозможно. Это было... волшебное.

Внутри меня что-то дрогнуло, словно оборвалась какая-то важная струна, на которой держался мой привычный мир. Мир вокруг перестал существовать. Я забыла про страх, про все свои заботы и тревоги. Все, что имело значение сейчас, – это неземное сияние, это чудо, разворачивающееся прямо передо мной, у меня на глазах.

Я застыла словно парализованная, не в силах пошевелиться, не в силах произнести ни слова. В голове царил полная неразбериха, мысли роились, как потревоженные пчелы. Я всегда была рациональной, прагматичной. Я верила в науку, в медицину, в доказательства, в факты. А теперь... Теперь я видела магию. Настоящую, живую, осязаемую, неоспоримую магию. И эта магия исходила от человека, которого я знала всего несколько минут.

То, что открылось моему взгляду, перевернуло все мои представления о мире, о реальности, о возможном и невозможном. Я, скептик и реалист до мозга костей, стала не просто свидетелем чуда – я стала соучастницей его. Шок сковал меня, лишив речи, способности мыслить, способности здраво рассуждать. Все вокруг померкло, потеряло смысл, превратилось в нереальный призрачный фон. Словно я внезапно провалилась в другой мир, в мир сказок и волшебства, где возможно все.

Золотой свет, сотканный из магии, струился из ладоней незнакомца, пульсируя в унисон со слабым, прерывистым дыханием Антонио. Я стояла на коленях, не отрывая взгляда от этой дивной картины, словно боялась, что моргну – и хрупкое волшебство рассеется, оставив меня лицом к лицу с безжалостной серой реальностью. Мужчина, склонившийся над изможденным телом мальчика, казался воплощением одновременно мягкости и скрытой силы. В каждом его движении чувствовалась невероятная сосредоточенность, на лбу пролегла глубокая складка – свидетельство напряжения, а золотистый отблеск магии, игравший на его высоких скулах, смягчал суровые аристократические черты лица, делая их какими-то неземными.

В эту ночь время словно потеряло свою власть. Каждая минута тянулась бесконечно долго, наполненная ожиданием и тихой молитвой. Мужчина, не разгибая спины, продолжал свою работу, его ладони, словно живые фонарики, то вспыхивали ярче, озаряя подвал теплым светом надежды, то едва мерцали, словно дыхание гаснущей свечи. Я видела, как магия проникает в измученное тело мальчика, словно живительный эликсир, как темные пятна болезни медленно, но верно отступают под ее неумолимым натиском. Хриплое, судорожное дыхание Антонио становилось ровнее, хрипы, терзавшие его грудную клетку, постепенно исчезали, словно их и не было вовсе. Бледность уступала место здоровому румянцу, который заливал его щеки не лихорадочным жаром, а теплым, естественным цветом жизни. Завороженная, я не отрывала взгляд от этого чудесного преображения, ощущая, как во мне рождается и с каждым мгновением крепнет надежда – хрупкий росток, пробивающийся сквозь каменистую почву отчаяния.

Под утро, когда первые робкие лучи солнца с трудом пробились сквозь пыльное, грязное оконце подвала, Антонио открыл глаза. Они были чистыми и ясными, без следа мути, вызванной высокой температурой. Он слабо улыбнулся, и мое сердце, казалось, готово было вырваться из груди от переполняющего меня облегчения. Я почувствовала, как по щекам невольно катятся слезы.

– Вы кто? – слабо прошептал мальчик.

– Я сестра милосердия, меня зовут Анна, – ответила, стараясь протолкнуть тот ком, что мешал мне разговаривать. – Как ты? – прошептала я с дрожью в голосе, осторожно касаясь его лба. Кожа была прохладной, а глаза смотрели на меня с ясностью и тихой благодарностью.

– Лучше, – прошептал он в ответ, его голос звучал слабо, но с каждым словом обретал уверенность. – Спасибо... вам всем, – произнес Антонио, окинув взглядом нас троих. А Игнар все это время сидел на стуле и тоже с замиранием сердца следил за лечением.

Я повернулась к мужчине, и слова благодарности застряли у меня в горле, подавленные внезапным осознанием масштаба случившегося. Счастье, облегчение, благодарность – все эти чувства смешались в один бурный, неконтролируемый поток. Он выпрямился, немного пошатнувшись, и только сейчас я заметила, насколько измученным он выглядит. Вокруг его темных бездонных глаз залегли глубокие тени, словно ночная тьма оставила на нем свой отпечаток, а на лице застыла печать болезненной усталости. Он словно отдал часть себя, чтобы вернуть к жизни этого измученного ребенка.

– Спасибо, – прошептала я, запинаясь на каждом слове, с трудом справляясь с эмоциями. Он совершил невозможное. – Я... я не знаю, как вас благодарить... Вы... вы спасли ему жизнь.

И в этот момент меня осенила мысль, оглушительная и дерзкая, пронзившая меня, как удар молнии. Если он способен на такое...

– Если... если вы так можете, – выпалила я, прежде чем успела обдумать свои слова, – почему вы не вылечите всех? Почему не поможете всем в госпитале? Там ведь столько больных, столько страдающих... Там солдаты умирают каждый день. Почему вы просто не...

Я не успела договорить. В ту же секунду лицо мужчины мгновенно переменилось. Невыносимая усталость словно испарилась, уступив место какой-то темной болезненной тревоге, словно я затронула глубокую незаживающую рану. Он резко отвернулся, его плечи напряглись, словно он готовился к удару, и в его голосе прозвучали резкость и горечь, которых я не слышала раньше.

– Я не могу, – отрезал он, не глядя на меня, его голос был сухим и жестким. – Я... я не могу вылечить всех. Не могу... Это не так просто. Все не так просто, как тебе кажется.

Я почувствовала, как щеки заливает обжигающая краска стыда. Его слова словно пощечина – отрезвляющая и болезненная. Кто я такая, чтобы задавать ему такие вопросы? Кто я такая, чтобы требовать от него невозможного? Я не знаю его, не знаю его возможностей, не знаю ничего о его прошлом, о его боли. Он только что совершил чудо, спас жизнь ребенку, рискуя собой, а я вместо благодарности, вместо сочувствия начинаю требовать большего. Я словно алчный нищий, которому подали кусок хлеба, а он требует целую буханку.

– Простите, – прошептала я, опустив глаза и пряча взгляд. Слова благодарности застряли в горле, сменившись тяжелым, гнетущим чувством вины. – Мне очень жаль... Я не хотела... Я не подумала...

Он ничего не ответил. Тяжелое молчание повисло в подвале, гнетущее и неловкое, словно между нами выросла невидимая стена.

Тяжелая, всепоглощающая усталость медленно, но верно начинала подступать и ко мне. Вторая ночь без сна, когда и днем не удавалось прилечь и отдохнуть, давали о себе знать. Веки наливались свинцом, и я уже с трудом могла держать глаза открытыми. Тихо извинившись, я опустилась на каменный пол и привалилась спиной к холодной сырой стене, стараясь не смотреть на мужчину. Глаза непроизвольно закрывались, и я все сильнее ощущала, как сознание медленно ускользает в объятия спасительного сна. Дальнейшее я уже не видела и не слышала – меня убаюкала тишина подвала, наполненного запахом плесени и сырой земли, в котором теперь теплилась хрупкая искра надежды.

Я резко распахнула глаза, словно вынырнув из ледяного омута, с трудом глотая воздух. Чья-то теплая рука коснулась моего плеча, и я, вздрогнув от неожиданности, отпрянула, испуганно озираясь по сторонам. Сердце колотилось в груди, словно пойманная в тесную клетку птица, отчаянно рвущаяся на свободу. Все еще находясь во власти тревожного сна, первым делом я бросила встревоженный взгляд на Антонио, свернувшегося калачиком на своем соломенном матрасе. Он лежал неподвижно, и страх, ледяными пальцами сжавший мое сердце, на мгновение лишил меня дара речи. Жив ли он? Не стало ли ему хуже за те часы, пока я предательски спала, оставив его без присмотра? Неужели моя слабость стоила ему жизни?

Лишь через несколько мгновений мозг начал проясняться, отгоняя остатки сумбурных сновидений. Я вспомнила о мужчине, о таинственном пациенте, чье имя я даже не знала, который провел у изголовья Антонио всю ночь, словно ангел-хранитель, исцеляя его своим невыносимым даром.

– Он в порядке, – услышала я тихий, успокаивающий голос Игнара, стоявшего рядом со мной. Он смотрел на меня с едва заметной улыбкой, смешанной с заботой и облегчением. – Ему стало лучше, Анна. Значительно лучше. Он впервые за все это время уснул по-настоящему глубоко и безмятежно, а не просто провалился в мучительное беспамятство, чередующееся с бредом.

Волна облегчения, теплая и всеобъемлющая, окатила меня с головы до ног, смывая остатки ночного кошмара. Жив. Он жив, и ему лучше. Слава Богу. Игнар был прав. Антонио спал, его дыхание было ровным и спокойным, без прежних хрипов и стонов, а на бледных

щеках – слабый отблеск здорового румянца, сама жизнь возвращалась к нему. Я окинула взглядом тесный подвал. Мы с Игнаром были здесь одни. Ни единого следа мужчины, ни малейшего намека на его ночное присутствие, словно он был лишь плодом моего воображения, порожденного отчаянием и надеждой. Где он? Куда он исчез, оставив после себя лишь послевкусие волшебства?

Игнар, заметив мой растерянный, ищущий взгляд, понимающе кивнул.

– Он ушел, Анна. Сразу после рассвета, когда убедился, что с Антонио все будет в порядке. Он сказал, что ему пора.

Волна благодарности захлестнула меня с новой силой, едва не сбив с ног своей мощью. Он ушел, не попросив ничего взамен, не потребовав даже банального "спасибо". Он просто исчез, словно призрак, растворившись в утреннем тумане, ускользнул, будто сон.

Взгляд случайно упал на маленькие часики, приколотые к моему переднику на тонкой цепочке. Неизменный атрибут сестер милосердия. Я ахнула, увидев время. Смена должна была начаться сорок долгих минут назад. Я совершенно забыла обо всем на свете, полностью погрузившись в этот кошмар, из которого, казалось, не было ни единого выхода. Забыла о своих обязанностях, о пациентах, которые ждали моей помощи, о коллегах, на которых свалилась двойная нагрузка.

– Я... я должна идти, – пробормотала я, вскакивая на ноги и испытывая внезапный прилив энергии. Антонио был стабилен, по крайней мере, сейчас. Игнар, надежный и преданный, присмотрит за ним, а меня ждал госпиталь, полный больных и страждущих, мои коллеги, уставшие и измученные... и, вполне возможно, серьезный выговор, а то и что-то гораздо хуже, за грубое нарушение дисциплины в виде опоздания.

Пулей вылетев из подвала, я понеслась по бесконечным коридорам госпиталя, лихорадочно прикидывая в уме, как успеть забежать к себе в комнату, умыться, переодеться и хоть немного привести себя в порядок, прежде чем меня заметит кто-нибудь из начальства. Я представляла себе свой растрепанный вид, запавшие от усталости глаза, грязный помятый передник и запах сырости и грязи, исходящий от меня. Ужас! Нельзя было появиться в таком виде перед главным врачом и старшей сестрой милосердия.

Но едва я достигла просторного главного холла, как поняла, что все мои тщательно выстроенные планы рассыпались в прах, словно хрупкий картонный домик, рухнувший от легкого дуновения ветра. Там, в центре зала, в беспорядке стояла огромная толпа персонала – врачи в белых халатах, сестры милосердия в строгих формах, санитары. Казалось, собрались абсолютно все, кто работал в госпитале. Что здесь происходит?

Необъяснимое нарастающее чувство тревоги начало сковывать мои движения, словно невидимые цепи. Что-то не так. Это чувствовалось практически физически, подобно электрическому разряду в воздухе, предвещающему надвигающуюся грозу. Что-то случилось, и это "что-то" было определенно связано со мной.

И тут меня словно ударом молнии пронзила ужасающая догадка, заставившая кровь отхлынуть от лица. Вчера... в порыве отчаяния, поддавшись панике и страху за жизнь Антонио... я сломала замок на одном из шкафов с медикаментами, отчаянно пытаюсь найти хоть что-нибудь, что могло бы облегчить его страдания. Я, конечно, ничего не взяла, но следы взлома наверняка остались, свидетельствуя о моем преступлении. Если кто-то обнаружил сломанный замок...

Я робко влилась в плотную толпу сестер милосердия, стараясь не привлекать к себе внимания. Сердце бешено колотилось в груди, отдаваясь гулким, оглушительным эхом в ушах, словно барабанная дробь, возвещающая о неминуемой беде.

– Эмили, ради Бога, что здесь происходит? – прошептала я. Мой голос дрожал, выдавая все мое волнение.

Но Эмили не успела ответить на мой вопрос. В этот момент вперед вышел главный врач господин Армстронгом. Он сурово обвел взглядом всех присутствующих, и отчего-то его взгляд задержался на мне. Я забыла, как дышать, но миг – и он отвел глаза, сканируя уже остальные испуганные лица сестер милосердия.

– Вчера ночью был взломан шкаф с медикаментами, – прозвучал его громкий властный голос, пропитанный ледяным гневом, заставивший всех присутствующих немедленно замолчать. В одно мгновение в холле установилась мертвая зловещая тишина. – Я требую, чтобы виновный немедленно вышел вперед и признался в содеянном. В противном случае расследование будет проведено самым тщательным образом, и наказание неминуемо постигнет всех причастных.

В толпе воцарилась гнетущая тишина, напряженная и давящая, словно перед взрывом. Никто не шевелился, никто не произносил ни слова. Все замерли, затаив дыхание, в ожидании неминуемой развязки.

А потом... в этой оглушительной, зловещей тишине... раздался робкий, неуверенный, почти детский голос, прорезавший напряженную атмосферу, словно тонкое лезвие острого ножа. Этот голос произнес всего несколько слов, но этих слов было достаточно, чтобы поставить крест на всей моей жизни.

– Я... я видел, как сестра Анна ночью была в холле... возле шкафов с лекарствами. Точно видел, – произнес санитар, которого я даже не знала.

Глава 6.

Доктор Арчибалд Армстронг медленно повернул голову в мою сторону. Его серо-голубые глаза сейчас горели холодным оценивающим огнем. Казалось, он видел меня насквозь, читал мои мысли как открытую книгу, видел всю мою ложь и страх. Время словно замерло, превратившись в тягучую, липкую массу. Я чувствовала, как кровь, словно предатель, отливает от лица, оставляя за собой неприятное сосущее чувство пустоты и слабости.

Безмолвным кивком, властным и безапелляционным, он подозвал меня к себе. Ни слова упрека, ни тени раздражения в его голосе. Просто кивок, короткий и резкий, как удар хлыста, но этот кивок был равносителен приговору, подписанному моей собственной рукой.

Я опустила голову, стараясь скрыть дрожь в губах и выступившие на лбу капельки холодного пота. Все вокруг расплывалось, теряло четкость, словно я смотрела на мир сквозь мутное запотевшее стекло. Под пристальным немигающим взглядом доктора Армстронга мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок, как слабая безвольная марионетка, чьи нити внезапно оборвались.

Он молча повернулся и направился к своему кабинету, и я, словно загипнотизированная крольчиха, покорно последовала за ним, чувствуя себя преступницей, которую ведут на казнь. Каждый шаг, отделявший меня от двери с табличкой "Главный врач", казался пыткой, растягиваясь в бесконечность.

Я лихорадочно пыталась придумать, что сказать, как оправдаться, как вымолить прощение. В голове царил хаос, мысли метались, как испуганные мыши в лабиринте. Но в голову не приходило ничего, кроме горькой неоспоримой правды, которая лежала на мне тяжелым грузом.

"Просто сказать правду", – промелькнула робкая мысль в сознании, словно хрупкий цветок. Может быть, доктор Армстронг поверит, что мною руководили благие порывы и я всего лишь хотела спасти маленького мальчика от смерти. Но следующая мысль тут же отрезвила. Игнар сказал, что сообщал главному врачу о состоянии Антонио, а тот лишь отмахнулся от мальчика. А значит, и мне не стоит ждать от него снисхождения. Меня накрыла ледяная беспощадная волна страха, смывая все надежды, оставляя после себя лишь обжигающую пустоту. Увольнение. Меня выгонят, а Антонио останется здесь один. А что, если это было не полное выздоровление, а всего лишь временная поправка и его жизни по-прежнему грозит опасность? Да даже если он и выздоровеет, это не означает, что через время от ужасных условий содержания он снова не заболеет, ведь о нем никто не заботится. Мое сердце болезненно сжалось.

"Честность – лучший выход", – прошептал внутренний голос, но дрожащие колени и пересохшее горло предательски говорили об обратном. Какой была цена этой честности? Была ли я готова ее заплатить, зная, что может стать расплатой за нее?

Пока я вела этот отчаянный, мучительный внутренний диалог, доктор Армстронг, не произнеся ни слова, уже стоял у двери своего кабинета. Он повернулся ко мне, и в его взгляде в этот раз, мне показалось, мелькнула тень... сочувствия? Я моргнула, решив, что мне просто привиделось.

Мысленно перебирая все возможные варианты развития событий, я в конце концов пришла к болезненному выводу: лгать не имело смысла.

Оставалось только одно: признаться, покаяться и надеяться на милосердие доктора Армстронга, хотя надежда эта была слабой и призрачной.

Я остановилась перед дверью кабинета главного врача, глубоко вдохнула и выдохнула, пытаясь унять бешеное биение сердца и дрожь в руках. Страх, как ледяной комок, застрял в горле, не давая говорить, дышать, жить.

– Будь что будет, – прошептала я одними губами и шагнула в открытую дверь кабинета.

В кабинете главного врача царил гнетущий порядок – ни пылинки, ни единой пометки даже на самой неприметной бумаге, разложенной на строгом дубовом столе. Запах чего-то антисептического смешивался с терпким запахом старой кожи от массивного, явно антикварного кожаного кресла, создавая тяжелый, давящий аромат – запах власти и безысходности. Доктор Армстронг молча прошел к своему столу и, не отрывая пронзительного взгляда от моего лица, легким кивком указал на стул напротив.

Сделав неуверенный шаг, я опустилась на жесткое сиденье, чувствуя, как предательски подкашиваются ноги. Спинка стула больно врезалась в позвоночник, напоминая о моей уязвимости, о том, что я всего лишь провинившаяся сестра милосердия, сидящая перед всемогущим Главным врачом. Армстронг облокотился на свой стол, сцепив руки в замок, словно воздвигая между нами неприступную стену. Его непроницаемый, изучающий взгляд обжигал. Он рассматривал меня так внимательно и холодно, словно я была редким, но, увы, испорченным экспонатом, который следовало тщательно оценить перед тем, как списать в утиль. Его серо-голубые глаза сейчас превратились в бездонные колодцы, ледяная глубина которых угрожала поглотить меня целиком. Я ощущала себя не просто голой, а вывернутой наизнанку под этим взглядом.

Наконец он заговорил. Голос его был спокойным и ровным, как гладь озера, но в каждом слове чувствовалась стальная твердость, не допускающая никаких возражений, никаких попыток оправдаться.

– Анна, вы осознаете всю серьезность ситуации? То, что вы совершили, – это не просто нарушение больничных правил, не банальная халатность. Это преступление, сестра Анна. И вам грозит не только немедленное увольнение, но и серьезное разбирательство, которое может навсегда сломать вашу жизнь.

Я похолодела, будто в спину ударил ледяной ветер. Преступление? Слова повисли в воздухе, словно зловещие тучи, предвещающие бурю.

— В той комнате хранились особо ценные лекарства, сестра Анна. Жизненно важные препараты, каждая доза которых учтена. Вы подумали об этом, когда ломали замок?

В горле пересохло так, что казалось, будто я проглотила ком сухого песка. Я попыталась что-то сказать, объяснить, умолять, но из пересохших губ вырвался лишь слабый болезненный хрип.

— Доктор... Армстронг... я... я ничего не брала, — наконец выдавила я, с огромным трудом проталкивая слова сквозь сжатое от страха горло. Я чувствовала, как ладони покрываются липким предательским потом, как дрожь пробегает по всему телу, выдавая правду о моем ужасе больше, чем любые мои слова.

Армстронг вздохнул глубоко и устало, словно я была нерадивой студенткой, доставшей его своими бесконечными вопросами и попытками списать контрольную.

— Не лгите мне, Анна, умоляю вас. Ложь только усугубит ваше и без того шаткое положение. Если вы утверждаете, что ничего не взяли, то зачем, скажите на милость, вы сломали замок? Объяснитесь, сестра Анна.

Я снова опустила голову, словно нашкодивший ребенок, не зная, что ответить, как оправдаться. Как я могла объяснить ему этот отчаянный, безумный порыв помочь никому не нужному сироте, которому отказался помогать даже он, главный врач больницы.

Он бы не понял. Никто бы не понял. Они увидели бы во мне одержимую, сумасшедшую фанатичку.

Тишина в кабинете сгустилась, став давящей, почти физической. Я кожей чувствовала, как она сдавливает мои легкие, лишая возможности дышать, превращает меня в беспомощную узницу.

– Анна, вас взяли сюда по личной рекомендации моего хорошего друга Энтони Уинморта. Вы не забыли об этом? – и мужчина вопросительно выгнул бровь.

Да, помнила. Я все помнила и все прекрасно понимала. Эта ситуация испортит отношения с Эльзой и Энтони. Я не смогу им внятно объяснить, зачем полезла к этим шкафам. Не знаю, по какой причине, но я не хотела, чтобы хоть кто-то знал, что Антонио как две капли воды похож на моего погибшего сына. Это была моя тайна, моя боль.

– Не забыла, – еле слышно отвечаю, но главный врач меня услышал.

– Я глубоко ценю его дружбу, но, несмотря на это, я буду вынужден обратиться к властям и передать это дело в руки попечительского совета. Закон, Анна, есть закон, и я не могу его игнорировать, как бы лично к вам ни относился.

Сердце бешено колотилось в груди, словно дикий зверь, рвущийся из клетки. Я знала, что он говорит правду. Он не станет рисковать своей безупречной репутацией, своей должностью, всем, чего добился в жизни, ради какой-то провинившейся сестры милосердия.

Армстронг сделал долгую, мучительную паузу, внимательно, почти бесцеремонно наблюдая за моей реакцией. Его взгляд, казавшийся до этого ледяным и равнодушным, вдруг едва заметно потеплел, в нем промелькнула слабая тень... сочувствия? Или это было лишь игрой света и тени в его суровых глазах?

— Однако... есть и другой, скажем так, путь для решения этого крайне неприятного недоразумения, Анна. Более... деликатный, конфиденциальный.

Он снова наклонился вперед, и я почувствовала, как пространство вокруг меня стремительно сжимается, будто меня поместили в тесный, душный гроб. Его слова оставили во рту противный липкий привкус, словно я случайно проглотила что-то горькое и ядовитое, что медленно отравляет мой организм. Собрав остатки мужества, я устремила свой взгляд в его глаза и в их глубине, скрытой за маской профессиональной отстраненности, увидела то, отчего по спине пробежал холодок первобытного ужаса. Он смотрел на меня не как строгий начальник на провинившуюся подчиненную, не как доктор на медсестру, а как... как голодный хищник на беззащитную добычу. Его взгляд был липким, оценивающим, похотливым, лишенным всякого уважения.

В голове словно оглушительно щелкнуло переключателем, и в ту же секунду до меня дошел весь ужас происходящего. Я внезапно с пугающей ясностью осознала, к чему он клонит, чего он на самом деле добивается. Его двусмысленные слова, его липкий тон, его похотливый взгляд – все вопило об этом. Он намекал на то, что я... что я могу заплатить за свое преступление совершенно другим способом, нежели законом предусмотрено. Способом, который в случае согласия, возможно, и позволит избежать тюрьмы и увольнения, но при этом уничтожит меня как личность, полностью унизит мою гордость, вырвет с корнем мою честь и оставит незаживающую кровоточащую рану на всю оставшуюся жизнь.

"Бежать! Мне нужно бежать отсюда сломя голову, не оглядываясь!" – это была единственная мысль, которая отчаянно билась в моем воспаленном сознании, словно обезумевшая птица, бьющаяся о стекло. Он собирался воспользоваться моим отчаянием, моей безвыходностью, моим страхом.

Но я не могла пошевелиться, издать хоть звук. Страх, словно цепи, сковал мои руки и ноги, пригвоздил к проклятому стулу. Я была в ловушке. В липкой, отвратительной ловушке, сотканной из моей глупости, моего отчаяния и, конечно же, грязных, похотливых желаний этого человека, сидящего напротив. И, самое страшное, я понимала, что в эту ловушку я заманила себя сама.

Я застыла, словно окаменела под его взглядом, не в силах отвести глаз от этого хищного, торжествующего лица. Все мое существо восстало против этого человека, против его грязных намеков, против его власти, но страх пригвоздил меня к месту, не давая пошевелиться. Давление в кабинете достигло критической отметки, воздух словно загустел, превратился в вязкую душную субстанцию, которую можно было не только чувствовать, но и трогать руками. Армстронг, считывая мою растерянность, мою скованность, видимо, решил, что одержал верх,

что его мерзкие, двусмысленные намеки наконец-то достигли цели, и теперь я как податливый пластилин в его руках.

С легкой самодовольной усмешкой, тронувшей уголки его губ, он вальяжно откинулся на спинку своего дорогого кожаного кресла, словно отпустил ситуацию, перестал играть роль строгого начальника, окончательно уверившись в своей бесспорной победе. В этом расслабленном, самоуверенном жесте, в этой позе пресыщенного властью человека сквозила вся его убежденность в собственной неприкасаемости, в его авторитете. Он знал, что загнал меня в угол, и теперь, словно опытный садист, просто наслаждался зрелищем моей агонии, моей внутренней борьбы.

– Хорошо, Анна, – произнес он нарочито мягко, даже с какой-то приторной сладостью в голосе, словно успокаивая испуганного, загнанного в клетку зверька, обреченного на гибель. – Я понимаю, вам необходимо время, чтобы все тщательно обдумать, спокойно взвесить все за и против, принять, я уверен, единственно верное решение. Что ж, я великодушно вам его предоставлю.

Он сделал долгую тягостную паузу, словно намеренно растягивая удовольствие, поигрывая массивным золотым перстнем с крупным бриллиантом на холемом пальце. Его взгляд, как и прежде, был прикован к моему лицу, и я чувствовала, как он с явным, почти болезненным удовольствием наблюдает за тем, как я корчусь под тяжестью его слов, как мои надежды рушатся одна за другой, погребая меня под обломками.

– Придите ко мне завтра... в это же время, – продолжал он, чеканя каждое слово, – и сообщите мне о своем окончательном решении. Я глубоко убежден, что вы сделаете правильный выбор, Анна. Вы не разочаруете меня.

В его голосе, несмотря на его льстивый тон, отчетливо звучала скрытая угроза, облеченная в форму дружеского совета. Но вместе с тем и какая-то липкая, тошнотворная сладость, от которой меня физически затошнило. Я чувствовала себя униженной, растоптанной, словно куклой-марионеткой, которую он дергает за невидимые ниточки, заставляя танцевать под его мерзкую музыку. И мое отвращение к этому человеку, к его власти, к его методам росло с каждой секундой, достигая предела.

— Однако, – он внезапно вскинул указательный палец вверх, словно напоминая мне о чем-то жизненно важном, о чем ни в коем случае нельзя забывать, – позвольте мне еще раз подчеркнуть один, на мой взгляд, весьма немаловажный момент, сестра Анна. Если вам вдруг, под влиянием минутного порыва придет в голову невероятно глупая мысль... сбежать... бесследно затеряться в толпе... навсегда исчезнуть из этого города... из моей жизни... – он сделал выразительную паузу, – то знайте, моя милая Анна, сие действие будет расцениваться как полное и безоговорочное признание своей вины. Автоматическое признание, понимаете? Никакого дальнейшего официального разбирательства, никаких неубедительных оправданий и слезных просьб о прощении. Побег – это кратчайшая и прямая дорога в тюрьму, Анна. Вы прекрасно это понимаете?

Он смотрел на меня в упор своими холодными пронзительными глазами, не мигая, словно гипнотизируя, пытаясь проникнуть в самую глубь моей души и увидеть там мои самые сокровенные страхи. И я с замиранием сердца поняла, что он не блефует, не пытается меня запугать. Он уже все тщательно продумал, все просчитал на несколько шагов вперед. Сбежав, я не только признаю себя виновной во взломе и хищении лекарств, но и навсегда лишусь даже малейшей возможности доказать свою полную невиновность, отстоять свое честное имя, защитить свою репутацию. А еще я брошу тень позора на семью, что мне так помогла и была моими поручителями при устройстве на это место. Я оказалась в ловушке.

Я растерянно, загнанно смотрела на него, не зная, что сказать, что сделать, как реагировать на его слова. В голове метались противоречивые мысли и чувства, сталкиваясь друг с другом и рождая лишь смятение. Мысль о побеге, еще совсем недавно казавшаяся мне спаситель-

ной соломинкой, тонкой ниточкой света в кромешной тьме, теперь представлялась коварной западней, смертельной ловушкой, захлопнувшейся вокруг меня. Как я смогу доказать свою невиновность, если любой мой шаг, даже попытка скрыться, будут истолкованы против меня как неопровержимое доказательство моей вины?

Под его внимательным, тяжелым, буквально испепеляющим меня победным взглядом я медленно поднялась со злополучного стула, на котором провела последние, самые ужасные минуты своей жизни. Я чувствовала себя совершенно обессиленной, опустошенной, словно из меня выкачали всю жизненную энергию, всю волю к сопротивлению, оставив лишь пустую безвольную оболочку.

Не произнеся ни единого слова, не взглянув на него еще раз, не желая видеть больше это отвратительное, самодовольное лицо, я с трудом развернулась и, шатаясь, вышла из кабинета главного врача. Закрыв за собой плотную, обитую кожей дверь, я ощутила, как предательски дрожат колени, и, чтобы не упасть, беспомощно схватилась за холодную отполированную стену коридора.

Я стояла, прижавшись спиной к стене, пытаюсь унять мелкую дрожь, сотрясавшую все мое тело, и жадно глотаю воздух в тщетной надежде вдохнуть полной грудью. В голове настойчиво, словно заезженная пластинка, крутилась лишь одна мысль: "Что теперь делать? Как быть дальше? Куда идти, в какую сторону бежать за помощью?". Я была в полном отчаянии, абсолютно не зная, как выпутаться из этой кошмарной ситуации, в которую я сама себя загнала. Я была одна против системы, против этого влиятельного, бессовестного человека, и мои шансы на спасение становились все более призрачными.

Измученная, опустошенная, с трудом передвигая ноги, я вползла в полумрак больничного коридора. Казалось, невидимая сила давит на меня сверху, вдавливая в пол, не давая свободно дышать. Последние слова Армстронга, словно ядовитые кинжалы, вонзались в мою память, напоминая о надвигающейся катастрофе. Каждый мой шаг отдавался гулким зловеющим эхом в голове, словно предвестник неминуемой беды. Мысли беспорядочно метались, не находя выхода. Сердце бешено колотилось в груди, словно намеревалось вырваться наружу, убежать от этого кошмара. Мне казалось, холодные стены коридора сужаются, сжимая меня в тиски, а высокий потолок вот-вот обрушится, запирая под своими обломками все мои надежды.

Дверь в мою маленькую комнату была не заперта, и я, не рискуя больше ни секунды оставаться наедине со своими мыслями, без стука вошла внутрь. И сразу же почувствовала слабое, но такое желанное облегчение. Здесь, в этом скромном, почти аскетичном уголке, где пахло свежестью и спокойствием, еще сохранился маленький, но такой важный для меня островок безопасности, крошечный островок надежды, за который я отчаянно пыталась ухватиться.

Эмили сидела на моей узкой кровати, увлеченно листая старый потрепанный журнал с выцветшими картинками. Услышав скрип двери, она подняла голову и, увидев меня, тут же отложила журнал в сторону, обеспокоенно нахмутив брови. Ее доброе, открытое, всегда приветливое лицо мгновенно отразило мое ужасное состояние. Она, словно чуткий, настроенный на мою волну камертон, уловила всю боль, всю растерянность, все отчаяние, что переполняли меня, захлестывая словно цунами.

— Анна, что случилось? Что он тебе сказал? — взволнованно спросила она, мгновенно вскакивая с кровати и подбегая ко мне, чтобы поддержать. — Ты вся бледная как полотно. На тебе лица нет. С тобой все в порядке? Что он от тебя хочет?

Я молча, почти механически покачала головой, не в силах вымолвить ни единого слова. Комок страха и отчаяния подступил к горлу, парализуя голосовые связки, и я отчаянно боялась, что, если открою рот, разрыдаюсь, как маленькая испуганная девочка, не в силах сдерживать захлестнувшие меня эмоции.

Эмили, не задавая больше вопросов, сразу же поняла, что произошло что-то действительно ужасное, что-то серьезное, заставившее меня потерять самоконтроль. Она бережно взяла меня за руку, и ее прикосновение, теплое и успокаивающее, словно луч солнца в ненастный день, придало мне немного сил.

– Пойдем присядем, – мягко, участливо сказала она, подводя меня к кровати и помогая мне сесть. – Расскажи мне все как есть. Не держи все в себе. Выговорись. Поверь мне, Анна, тебе станет легче. Я всегда выслушаю и постараюсь помочь чем смогу.

Я благодарно посмотрела на нее, чувствуя, как в груди медленно, но верно оттаивает лед отчаяния. Собравшись с последними силами, я сделала глубокий вдох и начала свой тяжелый рассказ. Я рассказала ей все. И то, как этот мерзкий человек говорил, как давил на меня, как умело загнал в угол, лишив всякой надежды на справедливое разбирательство.

По мере моего сбивчивого, полного боли и отчаяния рассказа лицо Эмили мрачнело. Она внимательно, не перебивая и не задавая лишних вопросов, слушала меня, и в ее добрых, умных глазах читались искреннее сочувствие и праведный гнев по отношению к Армстронгу, к его бесчеловечным методам.

Когда я, наконец, закончила свой душераздирающий рассказ, в комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Эмили молчала, пристально смотря на меня, обдумывая каждое мое слово, стараясь понять всю глубину моей трагедии. Затем она тихо, почти шепотом спросила:

– И что ты решила, Анна? Что ты теперь собираешься делать?

Вопрос Эмили вернул меня в реальность, вырвав из оцепенения. Я чувствовала себя совершенно потерянной, измученной, эмоционально раздавленной.

– Я не знаю, Эмили, – честно ответила я, беспомощно разведя руками и с трудом сдерживая новые слезы. – Я совершенно не знаю, что делать дальше. Я отчаянно хочу сбежать, спрятаться, исчезнуть, но он сказал, что это будет расцениваться как неопровержимое доказательство моей вины. Я хочу доказать свою невиновность. Я даже хочу, чтобы началось разбирательство. Чтобы все узнали, какой он человек и что мною двигало, по какой причине я сломала замок на шкафу, а не пришла с просьбой дать мне необходимые лекарства.

Внезапно меня осенило, словно молния озарила темный лес отчаяния. В голове родилась мысль, казавшаяся мне единственно верной, единственным способом хоть как-то спастись, хоть что-то изменить в этой беспроблемной ситуации.

– Я не сбегу. Останусь, но заберу Антонио себе. Я скажу, что хочу разбирательства. Пусть приедет комиссия, пусть начнутся проверки. Если он хотел меня напугать, то не на ту наварлся, – во мне проснулся огонь, который поддерживал меня всю мою жизнь.

Эмили непонимающе, словно не расслышав мои слова, посмотрела на меня своими большими удивленными глазами.

– Антонио? – переспросила она, словно пытаясь понять, какое отношение этот мальчик имеет к моей проблеме. – При чем тут Антонио? Я что-то не понимаю.

– Как при чем? – удивилась я, не понимая ее реакции. – Я хочу усыновить его. Я буду заботиться о нем, защищать его, любить его, дам ему все, чего он был лишен. Это единственное, что сейчас имеет хоть какой-то смысл.

Эмили нахмурилась, как будто я сказала что-то совершенно нелогичное, и отрицательно покачала головой.

– Анна, но он находится на попечении больницы, и ты не можешь просто так его забрать себе, – ответила мне Эмили, чем повергла меня в шок.

– В смысле? – я, совершенно сбита с толку, непонимающе уставилась на Эмили. Ее слова разрушили последние мои надежды на спасение. – Армстронгу плевать на этого мальчика. Он Игнару так и сказал, что если Антонио "сдохнет", то у него меньше проблем будет, – процитировала слова. От воспоминания об этих чудовищных словах меня даже затрясло, я задохнулась от возмущения, словно мне перекрыли кислород.

– Да знаю я, – на красивом, обычно сияющем улыбкой лице Эмили отразились глубокая досада и беспомощность. – Он циничный, бесчувственный, мерзкий тип, каких свет не видывал, но, к сожалению, по всем документам именно он является законным опекуном Антонио. И пока это так, мы ничего не можем сделать.

– И что, совсем нет других альтернатив? – я в полном отчаянии, с мольбой в глазах смотрела на коллегу, пытаюсь найти хоть какую-то лазейку, хоть малейшую возможность изменить эту ужасную ситуацию. – У него же здесь, в этом проклятом месте, нечеловеческие условия. Он живет в сыром холодном подвале, спит на грязном тряпье, ест, что останется на кухне, ходит в обносках латаных-перелатанных и, словно раб, выполняет всю самую грязную и тяжелую работу, какую только прикажут. Это же ужасно!

– К сожалению, да, – Эмили со знанием дела, с горечью в голосе закивала, подтверждая мои опасения. – Единственная реальная альтернатива в данном случае – это уйти в рабочий дом, а о тамошних условиях я тебе даже рассказывать не хочу. Поверь мне, он ничуть не лучше, а в чем-то даже хуже, я тебя уверяю.

Эмили замолчала, на ее лице появилась тень грустных воспоминаний, и после короткой паузы, словно делая страшную тайную, призналась:

– Я ведь сама выросла в рабочем доме, Анна. И я точно знаю, о чем говорю. И то, что я, к счастью, не стала падшей женщиной и не пошла продавать свою любовь в публичных домах, я могу сказать спасибо только войне. Самых старших, как меня, отправили по военным госпиталям, чтобы помогать раненым солдатам и обучаться сестринскому делу.

– Какой ужас, – я, потрясенная признанием Эмили, неверяще смотрела на нее. А я ведь по большому счету о ней не так уж и много знаю. Под маской легкомысленной болтушки и неунывающей хохотушки скрывается израненная, истерзанная жизнью душа, знающая о боли и лишениях не понаслышке.

– Да ничего, все хорошо, – тут же, словно испугавшись, что открыла слишком много, Эмили натянула свою фирменную жизнерадостную улыбку. – Теперь я после окончания войны смогу спокойно работать в госпиталях и больницах, приносить пользу людям. Я, можно сказать, получила профессию и даже хочу пойти учиться дальше, чтобы стать ассистенткой у какого-нибудь практикующего доктора и уехать в большой город, – поделилась своей заветной мечтой Эмили, в ее глазах загорелся озорной огонек. – Так что, видишь, забрать Антонио себе у тебя точно не получится. Под опеку тебе его просто не отдадут, потому что у тебя нет мужа. Так что единственный реальный способ заботиться о нем, помогать ему и защищать его – это остаться здесь, в госпитале, пока ты здесь работаешь.

– Значит, я буду доказывать свою невиновность, – упрямо повторила я то, что в последнее время постоянно крутилось у меня в голове, став своего рода мантрой, дающей слабую надежду на спасение. – Я не сдамся.

– Ты же прекрасно понимаешь, что это разбирательство, все эти комиссии, проверки – лишь фикция, фарс и не более того, – скептически, с горькой усмешкой возразила Эмили, возвращая меня к суровой реальности. – Придет какой-нибудь важный и влиятельный проверяющий, которого, разумеется, наймет попечительский совет и проинструктирует как следует. И он напроверяет так, что ты будешь кругом виновата, а Армстронг выйдет сухим из воды, – поделилась своими мрачными опасениями коллега, хорошо знающая закулисные игры этого мира.

– Ну а что мне тогда делать? – я окончательно растерялась, осознав всю безысходность своего положения. – Не соглашаться же на подлое предложение Армстронга? Не продавать же ему себя, свою честь и достоинство, чтобы избежать тюрьмы?

– Нет конечно, – энергично покачала головой девушка, даже оскорбившись моим предложением. – Ни в коем случае! Это даже не обсуждается. А может, тебе стоит сходить к этому

благородному господину, который помог Антонио? Может, он заступится за тебя, используя свое влияние и знакомства? Вдруг он сможет чем-то помочь?

– Сперва мне надо привести себя в порядок, – я бросила взгляд в зеркало. В отражении на меня смотрела всклокоченная, бледная девушка с широко распахнутыми испуганными глазами.

– Хочешь произвести на него хорошее впечатление? – на губах Эмили заиграла понимающая улыбка, а я отчего-то смутилась. – Он тебе понравился, – решила добить меня девушка, заметив предательский румянец на щеках.

– Ну не идти же к нему, словно нищенка с улицы? – попыталась я возразить. Эмили, пропустив мимо ушей мои слова, продолжила подшучивать надо мной и, наверное, еще бы шутила по этому поводу, но, увидев, какой час, она поняла, что нещадно опаздывает, и убежала вниз работать. Я же принялась приводить себя в порядок, а заодно продумывать, что я скажу этому пациенту-незнакомцу, что он ответит мне. Этакий внутренний диалог, в котором я то и дело краснела и бледнела.

На сборы ушло не так много времени, значительно больше я решалась. Наконец, выдохнув, словно собралась нырнуть на глубину, я отправилась вниз, старательно избегая встреч с коллегами. Замерла перед заветной дверью и, прикрыв глаза, словно это помогло мне набраться решимости, я постучала, но в ответ была тишина. Я снова постучала, но теперь уже более решительно, и мне снова никто не ответил. И тогда я толкнула дверь и вошла. Первое, что я увидела, – это обычную палату, правда, с более комфортабельной кроватью, тумбой и даже шкафом. На кровати лежал он, мой незнакомец-спаситель. Вот только сейчас ему самому нужна была помощь. Он был в бреду лихорадки.

Не раздумывая ни секунды, движимая внезапно вспыхнувшим всепоглощающим чувством сострадания, я, словно под действием неведомой силы, метнулась к стоявшему в углу палаты старому обшарпанному тазу с водой. Обжигая пальцы, заторопилась смочить в ледяной жидкости кусок грубой больничной ткани и, вернувшись к постели, начала бережно, нежными, почти благоговейными прикосновениями, обтирать его пылающее от внутреннего жара лицо, искусанные губы, ставшую так быстро тонкой аристократическую шею, сильные, но сейчас совершенно обессиленные руки. Под моими пальцами чувствовалась обжигающая температура, кожа горела, источая жар даже сквозь влажную ткань. Мужчина продолжал метаться в бреду, хрипло, прерывисто дыша и что-то невнятно бормоча, путаясь в обрывках слов, словно вел отчаянный неравный бой с невидимым, но ужасающе сильным врагом, терзавшим его изнутри. Его мучения были почти осязаемы, и от этого мое сердце разрывалось от боли и жалости.

И тогда, повинувшись какому-то внутреннему, непонятному, но властному позыву, словно голос свыше, я начала с ним говорить. Сначала тихо, почти шепотом, неуверенно, боясь потревожить его тяжелый, лихорадочный сон, словно прикосновением сорвать его с края бездны, а потом все громче, все искреннее, вкладывая в каждое слово частичку своей души.

– Господин... – прошептала я, склонившись над его измученным, осунувшимся лицом, пытаюсь уловить хоть какой-то признак облегчения, – я не знаю вашего имени, не знаю, кто вы и откуда, но я бесконечно, безмерно благодарна вам за то, что вы сделали для маленького Антонио. Вы отдали ему частичку своей жизни, пожертвовали собой, спасли его от верной мучительной гибели... Я не знаю, как мне отблагодарить вас за этот бесценный дар. Я готова сделать для вас все, что в моих силах, отдать все до последнего, исполнить все, что вы только пожелаете, лишь бы облегчить ваши страдания.

И словно кто-то невидимый открыл шлюзы и плотину сдерживаемых чувств, терзавших меня последние дни, прорвало. Я, больше не в силах сдерживать бушующий в моей душе ураган, начала рассказывать ему обо всем, что произошло за эти кошмарные дни, о грязных интригах подлого Армстронга, о его коварных планах, о его подлых, лживых обвинениях, о

его гнусном шантаже, о том отвратительном, мерзком предложении, повергшем меня в бездну отчаяния и ужаса, о том, что он потребовал от меня.

— Я хотела бороться, — сквозь душившие меня слезы прошептала я, хватая ртом воздух, — доказать свою невиновность, разоблачить Армстронга, освободить Антонио от власти этого бесчеловечного чудовища, вырвать его из лап этого зверя. Но я боюсь... Я очень боюсь, что у меня ничего не получится, что я слаба и меня сломают, уничтожат, растопчут мою душу... Я пришла к вам за помощью, надеялась на ваше участие, на вашу поддержку, на ваше влияние, на ваше заступничество... Но теперь я вижу, что помощь нужна вам самому, что вы нуждаетесь во мне гораздо больше, чем я в вас. Вы заплатили слишком высокую цену за спасение Антонио... Слишком высокую...

Я говорила и говорила, не останавливаясь, захлебываясь в слезах, изливая ему всю свою истерзанную душу, делясь своими самыми сокровенными страхами, несбыточными надеждами и бесконечным отчаянием. Горячие слезы градом катились с моих щек на его бледное измученное лицо, смешиваясь с солеными каплями испарины, образуя причудливые узоры на его коже.

Так, словно в беспамятстве, я и просидела до самого рассвета, не отходя ни на шаг от его узкой жесткой кровати, боясь даже на секунду отвернуться, словно опасаясь пропустить тот самый роковой момент, когда ему станет еще хуже. Я продолжала бережно обтирать его лицо прохладной водой, шептала слова утешения, несвязные слова благодарности, молилась всем известным и неизвестным богам за его скорейшее чудесное выздоровление.

Лишь под утро, когда первые робкие, еще несмелые лучи восходящего солнца тихонько заглянули в запорошенное пылью окно, я, внезапно вострепнувшись от осознания, резко очнулась от своего оцепенения. В мозг, как ледяной кинжал, вонзилась мысль о том, что совсем скоро, буквально через считанные часы, наступит тот самый час икс, когда мне во что бы то ни стало нужно будет предстать перед алчным Армстронгом и, заглядывая ему в его лживые глаза, озвучить наконец-то свое окончательное решение, от которого будет зависеть не только моя судьба, но и судьба маленького Антонио. Сердце бешено, болезненно заколотилось в груди, а в голове проносились тысячи противоречивых, пугающих мыслей, каждая из которых была страшнее и мучительнее другой. Я должна решить, как мне, наконец, поступить. Смириться, сломаться и отдать себя в грязные, липкие руки главного врача, предав свою честь, растоптав свою гордость и достоинство ради спасения невинного, страдающего ребенка? Или же гордо выпрямиться, собрать всю свою волю в кулак и бороться до последнего, рискуя всем, что у меня осталось, ради торжества справедливости, ради права на достойную жизнь?

Взглянув еще раз на измученное, осунувшееся лицо спящего, страдающего мужчины, на его сжатые в бессильной ярости кулаки, словно взывающие к отмщению, я вдруг, совершенно неожиданно для себя самой, почувствовала небывалый прилив энергии, какой-то внутренней силы, уверенности, которую я никогда прежде в себе не ощущала. Этот загадочный, таинственный незнакомец, рискуя собственной жизнью, не задумываясь, отдал всего себя без остатка ради спасения совершенно чужого ему мальчишки, не требуя ничего взамен. Неужели я, слабая, дрожащая от страха женщина, не смогу найти в себе хоть толику мужества противостоять злу, защитить себя и тех, кто нуждается в моей защите?

Именно в этот самый миг со всей ясностью и определенностью я с потрясающей твердостью решила, что буду отчаянно, исступленно бороться. Я не сдамся без боя, не позволю себя сломить, не отступлю перед лицом опасности. И пусть даже мне придется столкнуться с самыми страшными, немыслимыми испытаниями, пережить боль и предательство, я, чего бы мне это ни стоило, не позволю грязному, похотливому Армстронгу сломать меня, растоптать мою душу и погубить ни в чем не повинную маленькую душу Антонио. Я буду сражаться за себя, за него, за справедливость. И пусть победит сильнейший.

Именно с этими мыслями я постучала в кабинет к главному врачу и, услышав его сухое: “Войдите”, шагнула внутрь.

Отбросив прочь остатки страха, высоко подняв подбородок, я гордо вошла в комнату и, не опуская взгляда, смело встала посередине, словно готова в любой момент выпалить свое решение как приговор. Я ощущала себя на поле боя, где от моего выбора зависит не только моя судьба, но и жизнь маленького Антонио.

Однако, едва мой взгляд скользнул по привычному интерьеру кабинета, как весь мой боевой запал, вся решимость, с таким трудом собранная по крупицам за ночь, мгновенно улетучились, словно дым. Мое сердце бешено заколотилось, а ноги предательски подкосились.

В большом кожаном кресле, обычно принадлежащем Армстронгу, сжавшись в маленький дрожащий комочек, сидел Антонио. Его озорные лучистые глаза сейчас были полны слез и смертельной тоски. Он выглядел испуганным, потерянным, словно загнанный в угол зверек.

В тот же миг до меня дошло, что Армстронг что-то замыслил. Что-то ужасное, непоправимое. Этот мерзавец, презрев все моральные принципы, решил использовать ребенка как оружие, как средство давления, чтобы сломить мою волю и заставить меня принять его гнусное предложение.

Холодный пот выступил на моем лбу. Мой тщательно выстроенный план рухнул в одно мгновение, рассыпавшись на мелкие осколки. Страх, липкий и парализующий, мгновенно окутал меня, сковав все мои движения. Я уже не была той отважной, решительной женщиной, готовой сразиться со всем миром. Я вновь превратилась в перепуганную, загнанную в угол мышь, не знающую, куда бежать и где искать спасения.

Моя решимость, моя уверенность, моя вера в справедливость – все это исчезло, словно мираж в пустыне. Передо мной стоял не просто Армстронг, а жестокий, безжалостный противник, готовый на все ради достижения своей цели. И теперь, глядя на маленького Антонио, я уже не была уверена, что смогу выстоять в этой неравной борьбе. Я не знала, хватит ли у меня сил противостоять этому чудовищу, ведь на кону стояли не только моя честь, но и жизнь невинного ребенка, которого я всем сердцем любила.

– Ну, так что же вы решили, сестра Анна? – поинтересовался главный врач, решив, что не стоит мне объяснять, зачем здесь, в его кабинете, в его кресле находится мальчик.

Глава 7.

Во рту образовалась противная сухая пустыня, а губы, потрескавшиеся от нервного напряжения последних дней, болезненно саднили. Собрал в дрожащий кулак жалкие остатки своей воли, я, словно ныряльщик в ледяную воду, набрала в легкие побольше воздуха, готовясь, наконец, озвучить свой ответ. В голове на повторе крутились обрывки выученных фраз. Но я точно знала, что нужно сказать, чтобы выиграть жизненно необходимое сейчас вре

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.